

Юрий Лужков

РУССКИЕ ХАРАКТЕРЫ

РАССКАЗЫ

Москва
ОАО «Московские учебники»
2008

Юрий Лужков

РУССКИЕ ХАРАКТЕРЫ

ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Л82

Руководитель издательского проекта
М.Л. Щербаченко

Лужков Ю.М.
Л82 Русские характеры: Рассказы. — М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008. — 176 с.; ил.
ISBN 978-5-7853-0058-6

ББК 84(2Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-7853-0958-6

© Лужков Ю.М., 2008
© Любаев С.В., иллюстрации, 2008
© Оформление. ОАО «Московские учебники», 2008

От автора

Случается, меня спрашивают: зачем вы уже лет десять пишете рассказы? — и сами же строят версии ответов. То, что надо чем-то занять досуг, — это вряд ли, с досугом у мэра Москвы не густо. Тогда, может быть, комплекс нереализованности? Или жажда славы? Опять-таки не похоже: за жизнь сделано немало, да и вниманием не обделен. Может быть, подхватил вирус графомании?

Нет, отвечаю, все мимо. Пишу, потому что иногда хочется. Иногда — поскольку писательского зуда у меня точно нет. И еще потому, что, не надеясь на собственную Болдинскую осень, пишу зачастую урывками. А вот что касается «почему»... Тут каждый раз свои мотивы.

Ну, с чего, скажите, вспомнился мне в конце девяностых годов сюжет сорокалетней давности? Лето 1956-го, Башкирия, новый город Салават, строительство 18-го нефтекомбината, на котором я, в ту пору студент Нефтяного института, проходил производственную практику. Тогда жизнь впервые свела меня с зэками, работавшими на комбинате, и ближе других — с вором в законе, «мотавшим» семнадцатый срок и смотревшимся в свои сорок семь на хороших семьдесят.

Общаться с ним было невероятно интересно, человек был яркий, со своей философией, со своими четкими представлениями об отношениях государства и человека. По-своему логичными, в чем-то,

как я позднее убедился, мудрыми, но — абсолютно! уголовными. И, разумеется, преподносимыми на смачном уголовном сленге.

И вот прошло много лет, и всю эту лексику — «опомоить», «опарафинить», «зачушить» и прочее, и прочее — я вкусил уже не на зоне, а в кабинетах и коридорах высшей государственной власти. Все, что слышал когда-то от зэков, на исходе двадцатого! века «перетирало» окружение российского трона, люди, которые вообразили себя хозяевами жизни и ввели в политический оборот не только бандитские словечки, но и логику «понятий». И именно тогда, когда они всю отработывали на мэре Москвы свои блатные приемы, я вспомнил, о чем некогда предупреждал меня матерый вор. Так родилась тема рассказа «Законник», он опубликован в этом сборнике.

А бывает обратный ход вещей. Обдумывая причины провала агрореформ 1990-х и вообще горестную судьбу отечественного сельского хозяйства, я мысленно перескочил опять-таки в свою юность, на целинные земли среднеазиатского совхоза. Там произошло мое первое столкновение с властью в лице, как сейчас помню, товарища Мухитдинова, кандидата в члены Политбюро. А суть дела в том, что урожай, собранный нашим, право слово, героическим трудом, попросту сгнил прямо на току. И в этом эпизоде, как в капле воды, отразилось многолетнее — и задолго до Мухитдинова, и гораздо позднее него — отношение государства к труду крестьянина.

Не буду пересказывать входящий в книгу рассказ «Агроимпотенция», скажу только, что старался

сделать его, так сказать, агрессивно-саркастичным. Ведь по сути современные либеральные демагоги, готовые хоть завтра бросить остатки нашего сельского хозяйства в топку ВТО, ничем не отличаются от партийных бонз, разглагольствовавших о трудовом героизме на фоне гниющих неубранных токов с зерном. Все тот же лицемерный пафос и блеф. То, что сегодня отношение к сельскому хозяйству в стране стало меняться, что реализуется национальный проект, я, разумеется, не собираюсь записывать на свой счет, однако ж считать себя непричастным к благим переменам тоже не буду. Хочу верить, что мой голос, пусть и в числе других, был услышан.

Не всякий раз мои повествования продиктованы гражданской позицией и государственным интересом. Есть просто житейские заметки, невыдуманные сюжеты — памятные, примечательные и даже необычные, в которые не каждый поверит. Взять хотя бы историю о ранении немецкого солдата немецкой же пулей, которая, вполне возможно, была извлечена нашим бойцом из-под самого своего сердца (рассказ «Пуля»). Или о том, как задолго до восстановления храма Христа Спасителя незнакомая женщина передала мне в дар редкий экземпляр Библии вместе с пророчеством, согласно которому храм восстановят и я буду иметь к этому прямое отношение («Мистика»). Как говорится, невероятно, но факт. Жизнь богаче самых смелых фантазий.

А вот, к примеру, «Российские законы Паркинсона» — это результат моих долгих наблюдений за причудами нашего национального характера. Вообще-то надо будет это глубоко лженаучное исследование продолжить, — все же шесть предлагаемых

мною законов не в состоянии раскрыть русский типаж во всей его многоликой полноте. Парадоксы нашего мышления и поведения нуждаются в постоянном «мониторинге», — но не для того, чтобы лишний раз посмеяться над собой и развести руками: дескать, такими уж мы уродились и ничего с этим не поделаешь. Цель куда более значительная.

Каков национальный характер, такова и судьба страны, — думаю, такая формула в целом справедлива. Сумма типических черт большей части общества, безусловно, предопределяет поведение этого общества. Русский характер я бы назвал медвежьим. Должно быть, все же не случайно Россию сравнивают со зверем, который зимой сосет лапу и бездельничает, а летом прокорма ради совершает чудеса трудового героизма.

Русскому человеку легче выполнять тяжелейшую, неподъемную для тех же немца или голландца работу, чем изо дня в день вставать к станку, отрабатывать смену и идти домой, — и так всю жизнь. Нудная ритмичность, ровненькая нагрузка для русского человека — мука! Она его изматывает, приводит в неистовство, она побуждает его совершать из ряда вон выходящие поступки.

Наш характер, каким он мне видится, — тягучий, готовый переносить все неприятности, невзгоды, трудности и взрывающийся только тогда, когда ситуация, судьба загоняет человека в угол. Возьмите, к примеру, битву под Москвой 1941 года, — с точки зрения оснащенности бойцов ситуация безвыходная: одна винтовка на десять солдат. И — ни с чем не сравнимая, фантастическая победа. Кто еще, скажите, на такое способен? Дойти до предела, остановиться,

упереться, навалиться, преодолеть, совершить всем миром нечто мощное, героическое — это вполне по-русски.

Нужно заметить, что обличительный пафос некоторых рассказов — принадлежность лет минувших. Сегодня, в середине 2008 года, государство занимается тем, чем и должно заниматься, — защитой национальных интересов, развитием реальной экономики, решением социальных проблем — благо появились деньги. Но я сознательно не стал, так сказать, осеребряживать тексты. Пусть читатель — хотя бы из интереса — почувствует тогдашнее настроение автора, испытывавшего на себе силу государственного отщепенства за то, что осмелился иметь и не скрывать собственную позицию, собственное мнение о высшей власти конца 1990-х и ее главных фигурах. И пусть проникнется мыслью, что подобное не должно повториться.

Но вот тут-то и возникает «зловредный» вопрос. А кто сказал, что особенности национального характера не утащат нашу страну — уже в новейшей ее истории — в старую искореженную колею? Столыпин говорил, что России нужно два спокойных десятилетия, чтобы стать богатой и процветающей страной. Но кто даст этот срок, если нам спокойная жизнь не по нутру! Нам непременно нужны встряски, которые, что там говорить, делают нашу жизнь более интересной, но и гораздо более опасной. Вот почему, мне думается, первейшая задача — защитить наше общество от спонтанно, периодически возникающего желания все переделать.

Поймите правильно, это не проявление консерватизма, это призыв к разумному, взвешенному, даже

осторожному отношению к новациям. Не мной замечено, что Россия будто самой судьбой предназначена для всевозможных экспериментов, дабы весь мир видел, «как жить нельзя». Наша социалистическая революция (поистине уникальная) — и семьдесят лет дороги не туда. Наша недавняя революция (тоже уникальная), обозначившая поворот от социализма к капитализму, — и тоже пошли не в ту сторону...

Сейчас мировая экономическая конъюнктура работает на Россию, закладывается фундамент долгосрочного развития страны. И общество должно сродниться с мыслью, что устойчивое спокойствие и стабильность гораздо предпочтительнее революций, которые могут обратить движение вспять, разрушить все, что прежде создано, и мы в который уже раз начнем героически преодолевать последствия учиненной нами же разрухи и строить новую, «еще более лучшую» жизнь.

И тогда русский национальный характер точно пойдет нам впрок.

Юрий ЛУЖКОВ

МУЖСКАЯ СЛЕЗА

ПУЛЯ

Эта пуля лежала в маленькой жестяной коробочке с надписью «Монпансье». Сосед открывал коробочку и давал потрогать. Иначе как «сволочь» он эту пулю не называл. Долгое время я думал, что «сволочь» и «пуля» - одно и то же.

Мне было шесть. Шла война. Крошечная немецкая сволочь лежала, вымазанная соседской кровью, и притворялась мертвой. Я столько ее разглядывал, что, кажется, помню все вмятины и царапины до сих пор.

Пулю вытащили из соседской груди, откуда-то из-под сердца. Для нас, всей дворовой ребятни, это было большой удачей. Теперь мы могли играть в войну, опираясь на вещественные улики и информацию из первых рук.

Информация была скупой и однообразной. Это сейчас мальчишки играют в киношных победителей пластмассовыми стрелялками. А тогда, в сорок втором, вместо ружей у нас были арматурные заточки, и играли мы совсем не в победу. В сопротивление.

Разумеется, детские игры менялись по мере движения фронта. Но в начале войны большого разнообразия не было. Бежать под воздушным обстрелом по открытому полю, то есть дворовой свалке. Или пробираться по ночному лесу (на деле — по цехам мыловарки), чтобы выйти

к своим. Или лежать в заледенелой грязи рядом с неразорвавшейся бомбой, не шевелясь в виду немецкого поста.

Разыгрывая все эти сценки со слов забинтованного соседа, мы подражали взрослым в главном и общем деле: выстаивать несмотря ни на что. Дрались до последнего. Сдаваться было нельзя. «Ничего ты со мной не сделаешь» — вот этический принцип из тогдашнего детского словаря.

Сегодня Великая Отечественная война вспоминается от конца, от победы. В памяти она сохранилась как бы в обратном времени. На деле все было не так. Фрицы стояли вплотную к Москве. Мир со дня на день ждал капитуляции русских. Все было, по нормальным понятиям, кончено.

Ведь французы незадолго до этого испытали такой же удар и быстро сдались. Бельгию германская армия оккупировала вообще без единого выстрела. Свободолюбивые европейцы не стали сопротивляться тысячелетнему рейху. Они не были готовы держаться не только до последнего солдата, но и до первого. Они не посчитали свободу той ценностью, ради которой стоит жертвовать людьми, опустошать землю, разорять благоустроенный быт. Они действовали в своей рационалистической логике и были по-своему правы. Всякая война когда-то кончается, ко всему человек приспособливается, под фашистами тоже можно жить. Так рассуждали граждане свободной Европы, и весь опыт истории был на их стороне.

Но логика русской войны иная. Она опрокидывает сами основы европейской рациональности. По какой-то неведомой миру причине именно в ситуации безнадежности сопротивление россиян становится особенно отчаянным. Вот как пишет

об этом один из ветеранов войны, участник московского ополчения:

«В 1941 году Советская армия была разгромлена. Остатки отступали в хаосе, но в этом хаосе отдельные части продолжали сопротивление, видимо бессмысленное, и продержали немцев до жестоких морозов.

Геббельс объяснял это примитивностью русского характера, неспособностью понять, что война проиграна. Но Геббельс сам не все понял. Типического русского солдата хаос не деморализует, наоборот — вдохновляет на упорство, мужество отчаяния, вдохновение полета над хаосом. Когда вода «доходила до горла», к русскому солдату, офицеру, генералу приходило второе дыхание, энергия стресса». (Г. Померанц).

Это — парадоксальная, на взгляд европейца, реакция. Сопротивление без расчета и смысла. Не выживание, а выстаивание. Ни прагматически, ни рационально такое поведение объяснить нельзя. Оно не имеет ни обоснований, ни аргументов. Оно самоценно и иррационально, не подчинено никакой разумной калькуляции, рассуждениям о потомстве и прочем.

Стоять до последнего солдата, последнего патрона, умереть в последнем окопе. Отрезать всякую надежду, что потом найдется какой-то иной выход. Таков уж национальный характер. Какая-то упертость воли «у бездны мрачной на краю». Человек опускается на дно отчаяния, но именно там его ждет преобразование духа, победа над телесным страхом, выход в иное измерение, где открывается второе дыхание, третье, четвертое...

Сейчас говорят: «Сталин не жалел людей». Это правда. Но правда и то, что люди не жалели

себя сами. Никаких заградотрядов тогда под Москвой не было. Вождь мог отдавать свои приказы потому только, что солдаты и ополченцы, вроде нашего соседа, держали сопротивление, в совершенно безнадежном положении продолжали обороняться. Отстаивали последнюю высотку, овраг, превращали хуторской дом в неприступную крепость. Поднять руки, сдаться, капитулировать не приходило в голову. Не на тех, как говорится, напали.

Недавно на праздновании юбилея Победы один иностранец, подняв бокал, сказал, что любовь к свободе у русских оказалась сильнее, чем у европейцев. Это красиво, но не верно. Тут решала не страсть к свободе, а особое, чисто сыновнее отношение к земле. И еще одно обстоятельство.

Россиянин самым цивилизационным укладом изначально приспособлен к чрезвычайным ситуациям. Хаос не деморализует его. Он не теряется в обстановке развала, когда ни общего плана, ни связи со штабом, ни поддержки. Он не пасует, сталкиваясь с новым и непонятным, с чем-то таким, что возникло неизвестно откуда, и нет прошлого опыта, на который можно было бы опереться. В обстановке военной неразберихи он вырабатывает в себе способность относительно нормально жить под огнем. Таков национальный характер.

Обо всем этом рассказывал наш сосед. Он пошел в московское ополчение в первые дни войны. На призывном пункте получил трофейную канадскую винтовку и двадцать патронов к ней. «Больше ничего нет, — сказал военком. — Подберешь у кого-нибудь».

И вот с этой винтовочкой вместе с тысячами других москвичей пошел оборонять столицу от

немецких танков. А потом были кровь, грязь, мороз, горы трупов и все, о чем мы слышали в его рассказах. И негибаемость, несмотря ни на что.

Когда его подстрелили, война для него вовсе не кончилась. Он лежал забинтованный, а рядом на столике лежала вынутая из его тела немецкая пуля. Никакой другой мысли, кроме как возвратиться на фронт, у него не было. Жизнь как бы остановилась и потеряла на время смысл.

У него родилась идея, по нормальным меркам сумасшедшая. Он решил вернуть эту пулю. Как можно быстрее поправиться и отправиться на передовую.

И что вы думаете, так и вышло. И поправился, и отправился. Весь двор провожал своего героя. Пулю, конечно же, взял с собой. Что было дальше, я уже знаю гораздо лучше, потому что, когда сосед снова вернулся, мне было десять. Вернулся весь в орденах, с нашивками за ранения и осколками в позвоночнике, из-за чего получил кличку Кривой.

А рассказ был такой. Однажды на фронте, оказавшись в какой-то деревне, подобрал слесарные инструменты. Выковырял из ружейного патрона родную российскую пулю, приладил немецкую. Положил отдельно в карман. И решил: увидит немца, прицелится и вернет.

И вот как-то раз на Белорусском фронте, в местечке с названием, каких много, Сосновка, решил эту свою идею осуществить. Увидел фигуру с вражеской стороны. Зарядил заветный патрон, прицелился, спустил курок. Немножко далековато. Фигура упала. Он был отмщен.

Наступило спокойствие, какого ни до, ни после он никогда в жизни не переживал.

Вся эта история вспомнилась мне недавно по какой-то ассоциации, но не прямой, а, как говорят математики, «от противного». Но очень противного. Представьте себе: еду по мирной, красивой, залитой солнцем Москве, включая по случайности радио. А там какая-то дама, специально приглашенная в студию, рассуждает о будущем нашей страны.

— Скажу крамольную вещь, — вещает в эфире дама, — но Россия станет великой страной, только когда войдет в свои естественные пределы. А громадная страна, от Калининграда до Камчатки, — это не естественные пределы.

— А какие же естественные? — интересуется ведущий. — Московия какая-нибудь?

— До Урала наши естественные пределы! — уточняет дама. — «Сверхдержава» — это идея. А мы живем каждый день с вами, дорогие мои слушатели. Нам нужно покупать еду, одежду, платить квартплату, ездить в поезде, видеть друзей, дарить им подарки. Мы живем каждый день, и мы должны жить нормально, как люди. Нужно ли для этого стать сверхдержавой? Не уверена!..

Вся эта пошлость не стоила бы выеденного яйца, если бы так думала одна эта дамочка, у которой весь горизонт — в гости ходить да подарки дарить. Но вот что подобная система ценностей распространяется все шире, идеал обывателя отождествляется с ценностями демократии и почему-то ведет к развалу страны, куда более тревожно.

Недавно российские СМИ бросились обсуждать доклад ЦРУ о грядущем распаде России. И знаете, что выяснилось? Никто даже не ужаснулся. Наоборот, когда радиостанция «Эхо Мос-

квы» задала слушателям вопрос: «Считаете ли вы эту угрозу реальной для нашей страны?» — почти две трети (71%) спокойно ответили «ДА».

Во как! Нет, вы только вдумайтесь: две трети! Наших с вами сограждан! Позволяют себе такую святотатственную, такую недопустимую вещь, как сомнение в будущем существовании России.

Как это могло случиться? Ведь еще недавно ничего подобного нельзя было себе представить. Мы всегда ощущали собственную страну как священный дар, полученный от предков. Защищали этот дар не жалея жизни. И вдруг свыкаемся, оказывается, с мыслью, что от России не останется ничего, кроме нескольких малозначащих государств? Я всерьез спрашиваю.

Почему один и тот же народ в той, реальной, войне держится до конца, а в этой, виртуальной, «холодной», мифической, вдруг теряет волю к победе, капитулирует и даже готов, в качестве контрибуции, сдать страну?

Почему, когда была угроза, край, бездна, люди в буквальном смысле отдавали жизни, собственной кровью и телами защищали отчизну — а сейчас, когда ничего этого нет, тот же народ с такой легкостью признает свое поражение, объявляет об этом на весь мир, подвергает сомнению всю свою историю — и готов сдать отчизну на растерзание и развал? Куда делась способность к сопротивлению?

Это необъяснимо. Могут быть названы сотни причин и тысячи виновных — у нас насчет виноватых всегда все в порядке. Но, если по делу, туг нечто загадочное, и никакие гипотезы о происках забугорных спецслужб ничего не дают.

Есть в русском народе какая-то тяга к крайностям. Что-то такое, что отражается в национальных

поговорок: «Пан или пропал», «Все или ничего», «Либо петля надвое, либо шея прочь»...

Отчаянное самопожертвование, с каким отстаивали страну от фашистских полчищ, и необъяснимая апатия, постигшая многих сейчас, — это две стороны одной медали. Единый инстинкт национальной спайки, который в обоих случаях дает нестандартный результат. Тот самый народ, который тогда отчаянно сопротивлялся, сейчас разочарован. В этом разочаровании — та же страсть, та же способность сносить несчастья, но не позор. Жертвы, но не унижения. Тяготы, но не втапывание в грязь, не очернение всего, ради чего мы жили. Доза этого яда оказалась большей, чем мог вынести российский народ.

Приведу размышление человека, которого возмущившая меня интеллигентная дама наверняка почитает, но плохо прочла.

«Никакое количество русских... еще не образует народ. Это чистое количество, эта пшеница человеческая жаждет быть размолотой, обращенной в муку, выпеченной в хлеб. Состояние зерна в хлебах соответствует состоянию личности в том совершенно новом и не механическом соединении, которое называется народом. И вот бывают такие эпохи, когда хлеб не выпекается, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помола нет. Политическая независимость больше не делает народа. Только бросив свой мешок на новую мельницу, под жернова новой заботы, мы получим обратно уже чистую муку — нашу новую сущность как народа».

Это пророчество написал не какой-нибудь идейный государственник, а замученный в лагере великий поэт О. Мандельштам.

Сидел нас так же, как в сорок пуровом,
потом привообразить к порамежию.

Сейчас мы — механическая сумма частных граждан, электорат, население. Но не народ в том глубинном понимании, о котором говорит поэт. Не люди, объединенные чувством причастности к целому, общенациональному пониманию смысла и жизненной цели.

Гитлер о таком противнике даже мечтать не мог. Он боролся именно с народом — и проиграл. Но вот подточилась какая-то спайка, и вдруг тех самых людей, которые могли выдержать войну, блокаду, отступление, приглашают стать коллаборационистами, способными лишь выживать, но отнюдь не выстаивать.

Позор, унижение выбивают из народа кураж. Произошел обвал: насаждая чернуху, переписывая историю, лишая прожитую жизнь смысла, тихой сапой стремятся покончить с русским народом, лишит его чувства общности, сделать каждого человека отдельным и отчужденным. Народ как бы опустили перед лицом истории, отменили право на существование. Как следствие — утрата воли к жизни, способности к сопротивлению, готовность признать свое историческое и национальное поражение. Никто — ни политик в Кремле, ни солдат, ни олигарх, ни последний забулдыга — сегодня не ощущает себя частью единой национальной сущности. Огромная, стосорокамиллионная страна висит в воздухе, лишенная цели и точки опоры. Обрублена смыслопорождающая ветка.

И все-таки что ни говори, как ни крути, куда ни кинь — все равно где-то внизу, подспудно, это чувство общности тлеет. И разгорится, когда «дойдет до горла». Какие бы обманы ни происходили, какую бы холодную войну ни проигрывали — все

равно пока есть хотя бы два русских, сохраняется этот записанный в основном национальном инстинкте духовный код. Он обязательно проснется. Тогда покажем, что еще можем выстоять. И включим второе дыхание, третье, четвертое. Тогда вернутся и драйв, и энергетика, и пассионарность.

Сегодня мы питаемся прогнозами, делаем пессимистические выводы. Но эти прогнозы и выводы слишком линейны, они рождены рационалистической, европейской логикой. На деле страна стоит на ином цивилизованном принципе. Мы лишены формы, но не стержня. Нас можно унижить, но не победить. Здесь держит какая-то иная скрепа, чувство причастности к земле. Оно прорывается спорадически. В скучной повседневности его, может, не видно.

Сейчас нас так же, как в сорок первом, хотят приговорить к поражению. Но эти пророки могут так же ошибиться. Потому что еще не подступило. Нас в этом убеждают, и мы так же отступаем, сдаем позиции одну за другой. И историю, и территорию.

Но хочу сказать всем тем, кто уже привык к мысли о грядущем распаде России: не дождетесь! Или, выражаясь по-западному, «мне очень жаль, господа». Наши предки осваивали суровые просторы страны не потому, что преисполнялись предчувствий о нефти и газе. Мы любим эти земли, наши пращуры выбрали их для жизни. Вот и весь разговор.

Та детская история имела неожиданное продолжение. Недавно был в Германии. И вот на деловом обеде слышу, как один бизнесмен с не-

мецкой стороны рассказывает между делом, что его отец воевал в России. Был ранен, вылечился, вернулся. Однако всю жизнь возвращался мыслью к той боевой ситуации, где его подстрелили. Дело в том, что, когда врач вынул пулю, он был поражен. То была немецкая пуля. Хотя стреляли с русской стороны.

— А на каком фронте это было? — спрашиваю.

— У вас он назывался Белорусский фронт.

Я хотел уточнить название местечка. Но не стал. А вдруг это оказалась бы та самая пуля...

ДЕД

Скажу вещь, которая, может быть, вас удивит. Сейчас много людей, умеющих как следует вкалывать. И совсем мало таких, кто способен к тому же и отдыхать. Работают на износ. То есть ходят, конечно, в рестораны и сауны, ездят куда-нибудь «оттянуться». Но все это допинги, а не культура, потребительство, а не искусство отдыха и восстановления, куда у меня, например, кроме футбола и верховой езды входит еще много чего. Скажем, - только не удивляйтесь, - пасека.

Не знали? Да, держу пасеку за городом. Люблю там бывать. Не только для того, чтобы за пчелами ухаживать. Но и просто так. Сейчас поясню.

Понимаете, когда сидишь один или с друзьями прямо рядом с ульями, то... Вся атмосфера на пасеке какая-то очень спокойная. Трудно даже сказать, в чем там дело. Но такого покоя, сосредоточенности, такой (извините за высокий стиль) философской глубины созерцания нет нигде. И что интересно: вот произношу эти слова «философия», «созерцание» — обычно они ассоциируются с какой-то мрачной серьезностью. А тут легкость, веселость, как бы даже кайф, хотя не люблю этого слова.

Ну что, казалось бы, если рядом копошится пчела? А ты — человек! На твоей стороне интел-

лект, интуиция, способность абстрактно мыслить. Все преимущества. Но природа, оснастив человека такими дарами, отняла что-то самое главное: способность различения важного и неважного. Какая-то гонка засасывает, не дает заняться чем-то главным, единственным. Начинаешь, что называется, мельтешить.

А вот когда находишься среди нескончаемой пчелиной работы (пьешь чай или так отдыхаешь), то все постепенно встает на свои места. Нет, скажу по-другому: ощущаешь себя будто владельцем огромного богатства, которое не измеряется никакими рублями. Словно тебе вручен ключ от сокровищницы самой жизни, и вот сидишь у входа, еще не вошел, но уже можешь ни о чем не тревожиться.

Конкретнее? Ладно. Встаешь, идешь к улью. Смотришь на пчел, когда они на нижнем летке машут крылышками, выгоняя воздух с парами воды. Берешь пригоршнями этот воздух и вдыхаешь. Он насыщен ароматом многоцветия. Это такой дар земли, такой божественный нектар, который, может быть, неведом большинству людей. Это не одеколон, не Davidoff или Фаренгейт. Это сама природа. От нее не пьянеешь, не впадаешь в дурноту. От нее приходит спокойствие и, думаю, здоровье.

Так что, если кто из читателей сейчас морщится: мол, что за высокопарность, теперь так не пишут, где тут ирония — отвечу: знаете, дорогой, речь идет о моем личном пространстве. Как чувствую, так и рассказываю. А вы, как говорят по телевизору, можете кнопку не нажимать.

В общем, удивительное это место — пасека. А уж когда приходят друзья, все становится

еще занимательнее. Размышления сменяются беседой — неторопливой, размеренной, рассудительной. О людях, о пчелах. О нашей среднерусской медоносице, которая является, на мой взгляд, самой лучшей и которую теперь приходится защищать от всяких охотников заменить ее на каких-то гибридных или итальянских, или украинских.

А между тем эта наша среднерусская красотка (раз уж зашла о ней речь) лучше всего приспособлена для проживания в местном суровом климате. Ведь тут жизнь пчелиной семьи так же трудна, как крестьянская. Длинная морозная зима, короткое, часто дождливое лето. Зимой пчела сидит в гнезде, обогревает матку. Нет, вы только представьте себе хотя бы такую деталь: она всю эту долгую зиму не ходит, извините, в туалет. А ведь чем ниже температура, тем больше меда приходится есть, чтобы сотворить тепло. К весне бедняжке становится трудно удерживать эти шлаки.

Человек по-разному помогает пчеле. Утепляет ульи, говорит: оставайся на зиму! Пусть будет хоть минус тридцать, я тебе помогу. И чтобы пчеле стало легче, использует разные приемы и технические достижения. Я, например, чуть-чуть подогреваю улей. Причем даже летом, чтобы ночью не выпадала роса. А уж с наступлением холодов просто устанавливаю регулятор на плюс пять, и он мягко добавляет тепло, чтобы клуб, который образуют пчелы, не распадался и они легче переносили нашу длинную зиму.

Российский пчеловод — изобретатель по природе. Точнее, исследователь. Казалось бы, занятие древнее, что тут придумывать? Предки давно все испробовали. Ан нет, мы без конца друг с другом

встречаемся, делимся, рассказываем о новых приемах и опытах. Может, теперь все изменится: начнут, как на Западе, скрывать и патентовать каждую дырку от бублика, Пока этого нет.

Сейчас задача, над которой я работаю, — сделать улей сухим. То есть еще больше поглощать воду, используя современные технические средства. Когда в улье сухо, пчела чувствует себя лучше. Это все знают. Не знают, как сделать, чтобы пчела приняла эти средства, не отторгала их. И вот в такой неспешной работе, которая мне особенно нужна, потому что основная связана с бешеной гонкой за проблемами, — в те редкие часы, когда удается остаться на пасеке, по-настоящему наслаждаюсь.

Иногда в нашу компанию попадают удивительные люди. Об одном таком визите как раз хочу рассказать. Сидим мы как-то с друзьями, только приехали, поставили чай. Вдруг один говорит:

— Ну ладно, мне некогда. У меня там дед в машине, надо отвезти. У него, между прочим, день рождения.

— И сколько же лет твоему деду? — спрашиваем.

— Да девяносто пять.

— Ого! И как он? Еще ходит?

— Да, нормально. Кстати, тоже был пчеловодом в свое время.

— А чего ты его не привел? Мы бы его поздравили.

— Да стесняется, говорит: все-таки начальство.

— Ну и дурак же ты! Иди и скажи: приглашаем. Спиртного не держим, но чай хороший гарантируем.

Надо, чтобы у нас постоянно была работа.
Клема начинает дурить, когда нет работы.
Начинает злиться... Все как у людей.

Приятель ушел и вскоре вернулся, ведя за собой высокого, сухопарого — не сказать старика, а скорее человека в годах — во всяком случае, шел он довольно бойко. Стали знакомиться. Я смотрел на него с удовольствием. Конечно, время проделало свою работу. Но по живости лица, внимательному взгляду и четкому выговору было трудно представить, что перед тобой человек, который водил пчел еще в двадцатых годах прошедшего столетия.

А между тем это так. Мы, конечно, мастера раскрутить на разговор любого собеседника. И здесь сработали довольно толково: дед разговорился. Стал вспоминать, обнаружив и память, и ясную мысль. А уж когда разговор зашел о пчелах, вообще оживился. Было видно, что беседуешь с человеком, действительно много работавшим на пасеке.

— А я всегда сажал медоносы! И говорю: без них нельзя. Надо, чтобы у пчелы постоянно была работа. Пчела начинает дурить, когда нет работы. Начинает злиться. Появляются преступные наклонности: разбои, грабежи, нападения. Все как у людей.

Было приятно его слушать. Говорил он языком, конечно, не нашим, в его речи не встречалось слов типа «кайф» или «оттянуться», зато попадались какие-то забытые, старомодные выражения. Тем сильнее поражала ясность артикуляции.

Как всегда, в таких посиделках, темы прихотливо цеплялись друг за друга. Когда речь зашла о ройливости среднерусской пчелы, дед вдруг начал меня экзаменовать:

— А как вы ловите рои?

— Как все, — говорю. — Вот буквально утром

отловили крупный рой. Сел на ветку. Взяли большую лестницу, подставили корзину и стандартным способом — тряханули и ссыпали весь этот рой.

— Ну ладно, — не отстают дед. — А если бы рой сел выше?

— Конечно, — говорю, — это проблема. Но вот недавно был случай. Рой поднялся на высокую елку. Сидел несколько дней. И дождик, вроде, шел, а он не слетал. Ну что делать? Нашли пустой улей, поставили внизу. Положили на крышку рамку с медом. И разведчицы, видимо, не нашли другого варианта. Рой сам, без нашей помощи, слетел в этот улей.

Тема казалась исчерпанной, но дед все больше возбуждался:

— А хотите расскажу вам способ, которым пользовался много раз и всегда получалось? Как раз в таких случаях, как вы говорите: рой упрямый, сидит высоко. Мы однажды с напарником вконец измучились и вот что придумали. Взяли большое зеркало. Нашли медный таз, в каком варенье варят. И насос у нас был типа велосипедного...

Дед сделал паузу, как опытный рассказчик. Стал тянуть чай. Вся компания напряглась, внимательно следя за его движениями. Люди собрались бывалые, но зачем пчеловоду зеркало, таз и тем более велосипедный насос, угадать бы никто не мог.

— И вот, — продолжает старый пасечник, — подходим к дереву. Примериваемся. Потом по счету «раз, два, три» мой напарник резко наводит на рой солнечный луч! Я в это время что есть силы бью палкой по тазу!! И тут же мощной струей обливаю пчел водой!!!

Мы остолбенели (это буквально: застыли в тех позах, в какой кто был). А дед продолжает, как песню поет.

— Часто у нас получалось с первого раза. Пчелы, считая, что разразилась гроза, падают вниз. Рефлекс срабатывает. И тогда уже в траве их собираешь, ищешь матку, в общем, все как полагается. Но главное, не было случая, чтобы нас постиг неуспех.

Конечно, присутствующие посмеялись над этим способом, больше похожим на выдумку плюшевого медвежонка Винни-Пуха, о котором я читал вслух своей маленькой дочке. В какой-то момент уже казалось, что дед сейчас подмигнет и спросит, как в телевизионном «Блеф-клубе»: «Ну что, верите, что это правда, или нет?» Но он стал раскланиваться со всей старомодной почтительностью.

— Уж не обессудьте. И не подумайте, что я все придумал. Мы такой способ использовали много раз и всегда получали добрый результат. Так что, если возникнет ситуация, может быть, вспомните. А может, расскажете кому-нибудь.

Он двинулся за внуком по тропинке. А я, глядя им вслед, почему-то стал думать о том, как изменилось соотношение правды и лжи в нашей сегодняшней жизни. Еще недавно казалось, что противопоставление этих понятий — основа нового строя. Верилось, что мы разрушили советскую власть именно потому, что больше не можем жить по лжи. Думалось: если руководитель начнет говорить правду, держать слово, выполнять принятые решения, это сделает его политиком новой формации. Оказалось, все не так.

Блеф стал не только литературной модой. Лгут управленцы, функционеры, военные — лгут и добиваются результата. Дезинформация, заказной компромат, манипуляция общественным мнением стали самой эффективной методикой достижения

успеха. Не работа, не конкурентоспособность, не верность слову, а вранье без зазрения совести — действенный инструмент в новой системе. Нам говорили: демократия обеспечивает правдивую информацию. Оказалось, ничего подобного. Нас уверяли: гражданское общество защищает людей от наветов и произвола. А на поверку новая система не имеет даже того, что было при советской, — общественного мнения.

Если бы все это можно было списать на пережитки социализма, не было бы проблемы: подождем, переживем. Но зайдите в русский политический интернет. Его не было при советской власти, а там сегодня шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться в такую среду, где уничтожена сама идея правды как ценности. Сама ложь стала идеологией: деза, шантаж, провокация отстаиваются как наиболее уважаемые приемы политического инструментария. Куда ж дальше? Чего ж больше?

Мы думали, когда народ опущен, его надо поднимать. А эти «эффективные политики» сделали другой вывод: если народ опущен, им надо соответственно управлять. Неужто они думают, что у аморальности нет дна? Не знают, во что упрутся...

Однако я заболтался, это дед разворошил своим веселым рассказом. Между тем он все еще шустро шел в горку живым легким ходом, как бы демонстрируя мне какой-то иной, упущенный способ жизни. Где нет этой грязи, этой чертовой политики. Где мужики занимаются простым чистым делом и доживают в здравом уме и теле до девяноста пяти, черпая силы от меда. И от того спокойствия, которое дает пчелка.

О ЛЮБВИ

- Ты ведь знал Курбана?

- А то!

Вопрос прозвучал тем более неожиданно, что речь у нас шла о любви. Мой друг, грузинский журналист, только что вернулся с научного конгресса, где сделал фантастическое открытие.

- Чем глубже современные физики вникают в происхождение Вселенной, тем больше подтверждают гипотезу Аристотеля: «Мир создан любовью». Когда слышишь, как они говорят о муках рождения материи, невольно вспоминаешь финал «Божественной комедии» Данте: «Любовь, что движет солнце и светила». Можно не верить в Бога, но в любовь-то не верить нельзя!

Слушать все это было невероятно приятно. Мы сидели на пасеке, пили чай. Был дивный воскресный день. Пчелы, обалдев от запахов разнотравья, жужжали по-праздничному. В такие минуты беседа течет сама по себе, оставляя каждому из собеседников пространство для внутреннего монолога.

- Знаешь, — продолжал друг, — с научной точки зрения, любовь — вещь абсолютно загадочная. Страсть — дело другое, там инстинкты, эмоции. А вот любовь, особенно жертвенная, не имеет оснований в природе. Она приходит словно

из другого измерения. Мы помним яркие образы юных влюбленных: Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Меджнун и Лейла. Но любовь зрелая, не увядающая в мелких заботах повседневности, — тайна, не постижимая даже искусством. «Жили долго и счастливо и умерли в один день» — вот и все, что можно прочесть о такой любви. Так ты знал Курбана?

Курбан был банщиком (точнее, «терщиком») в одной из тех знаменитых серных бань, которым город Тбилиси, если верить преданию, обязан своим основанием. Легенда гласит: охотился как-то в тех местах великий царь Вахтанг Горгасал. Подстрелил фазана. Все шло как обычно, пока любимая гончая не принесла пронзенную царской стрелой дичь. Тут государь понял, что видит чудо. Фазан был сварен. Не так, конечно, как делал придворный повар, но для божественного знамения вполне прилично. Мы с вами сказали бы: да где ж тут чудо, упал фазан в горячий источник — подумаешь, делов-то. Однако в те годы люди были весьма впечатлительны, цари в особенности. Чуть что, усматривали промысел Божий. А потому, восхвалив Господа, государь объявил место святым и назвал его «Теплое». Что по-грузински, как вы уже догадались, звучит... Правильно: «Тбилиси».

Легенда эта удивительна тем, что никакие стратегические соображения — ни гора, ни Кура, ни скрещение торговых путей не повлияли, если верить грузинам, на выбор места для столицы. И это лучше всего характеризует то состояние, в которое приходит человек после посещения серной бани. Действительно, других аргументов не требуется.

Скажу больше: если хотите узнать, что потерял род человеческий, когда Адама лишили райской прописки, поезжайте в Тбилиси, сходите туда. И вы согласитесь: это нечто неземное. Во всяком случае, так думал я, впервые (тогда еще молодым человеком) отправившись на последние деньги в серные бани и там побывав в беспощадных и заботливых руках Курбана. Описать впечатление нет никакой возможности. Как, впрочем, и самого мастера.

Он был достопримечательностью старого города — обмотанный белой простыней, как римский сенатор тогой, в сандалиях на босу ногу. Похоже, никто не видел его одетым. Еще поговаривали, что он тер спину чуть ли не самому Пушкину, что в каком-то отношении правда, ибо традиция тбилисских терщиков передается, не прерываясь, от мастера к ученику.

Курбан был гением в том смысле, что сочетал в своих движениях грубость и нежность, скрепляя этот контраст особой любовью к человеческому телу. Научить жестом фокусника делать из воздуха огромное облако мыльной пены можно кого угодно. Проводить коленом по позвоночнику, соразмеряя доставляемую боль с удовольствием, тоже. Но суметь так отнестись к мужскому телу, чтобы оно оставило за порогом бани все мрачные мысли, невроты, утомленность, — это дело таланта. Руки его были очень сильными и заботливо чувствительными. Впрочем, он пользовался и ногами, залезая клиенту на спину и работая всеми четырьмя конечностями над хребтом и прочими косточками. Люди выходили от него преображенными.

Как все такого рода профессионалы, он оказался еще и психологом. Не знаю уж, каким образом догадался, что перед ним «голь перекатная»

(а проще говоря, молодой специалист в первой командировке), но только, закончив сеанс, неповторимым жестом протянул мне обратно деньги, произнеся одно слово: «Пешкеш!»

— Это чисто грузинский жест. Самое интересное, что точно так же он поступал с богачами. Однажды к нему привели американского миллиардера Нельсона Рокфеллера, приехавшего вместе с сенатором Эдвардом Кеннеди на очередную Дартмутскую встречу. Хозяева потащили гостей в серные бани и, естественно, работу поручили Курбану. А чтобы тот проникся ответственностью поручения, стали объяснять, кто есть кто. Банщик выслушал, но отреагировал скупно: «Кацо, когда люди голые, они все равны». И ничего «сверх программы» своим заморским клиентам не предложил. Однако американцы были в восторге, уходя, протянули долларовые купюры. Курбан внимательно рассмотрел незнакомую в те годы валюту, потом гордым жестом протянул обратно, сказав, как и тебе: «Пешкеш!» Что означает: «Ты мне даешь, но я возвращаю тебе как подарок». Переводчики долго объясняли американцам значение этого чисто грузинского понятия.

Можно много рассказывать про Курбана, но, полагаю, читателю уже ясно, что если искать человека, менее подходящего на роль Ромео, то это будет трудно. Так думали все. Ближайшие друзья и соседи, знавшие его всю жизнь, не могли предположить, что в этом простаке таилась глубоко любящая душа — настолько потаенно от чужих глаз жила истинная любовь. Своих чувств к жене он никогда не выказывал. Никто не сопрягал с Курбаном что-либо более высокое, чем баня и предбанник. И лишь в последнюю очередь можно

было ожидать от этого человека того поступка, о котором сейчас расскажу.

Когда жена умерла, Курбан собрал все, что мог, на все имеющиеся деньги справил келехи — поминки, которые произвели впечатление даже в Тбилиси. А на следующее утро облачился во все новое и чистое, вышел на Метехский мост и бросился вниз головой в Куру.

Сказано в Библии: «Ибо сильна, как смерть, любовь». Особенно та, что проходит через всю жизнь, не теряя масштаба в мелочах быта. Такая любовь живет потаенно, ее не воспевают ни западные менестрели, ни восточные ашуги, Она мало похожа на то, что связывается с образами героев-любовников. Но это самое глубокое, что бывает между людьми.

Я слушал своего друга и думал о том, до чего, черт возьми, обожаю грузин. Язык международной дипломатии не знает такого термина, как любовь. Максимум, дозволенный дипломатическим лексиконом, это дружба. В редких случаях «братская», иногда «неразлучная» или «дружба навеки» между народами. Однако бывают случаи, бывают связи, которые иначе, как любовью, не назовешь.

Сейчас даже трудно вспомнить, как мы все (россияне в особенности) готовы были восхищаться грузинами. Как восторгались кавказским застольем, мужским пением, бытовым жестом. Как восхищались фильмами, театром, художниками. Никогда не было идеи, что «наше лучше». Ничто не навязывалось. Все время готовы были воздать им должное.

Заочное ощущение Грузии было соткано из настроений и интонаций: убери их, и все исчезнет.

С ней был связан праздник, открытость и доброжелательность, что-то солнечное и веселое. Не возникало не только ревности, но и обыденности. Стоило кому-то сказать «грузины приедут» — накатывало ощущение тепла, света, радости, вкусноты и щедрости. Все становилось лучше.

Повторяю, это эмоции. Но из этих эмоций и состоят отношения. Если мы прервем их, не передадим по наследству, это будет зияние невозможное. С детских лет жизнь была окутана грузинским ароматом. Сколько себя помню, всегда грузин в бурке скакал по папиросной коробке «Казбек» (память ушедшего на фронт отца); вечно глядел грустный Демон на танцующую царицу Тамару (репродукция на кухне); витязь в тигровой шкуре неустанно сжимал зверя в поднятых руках (в местной забегаловке). Все эти образы были знакомы до черточки. Им вторили стихи: Грузия была «зарифмована» в поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина, в переводах Пастернака. «Маяковский, — объясняла учительница Нина Николаевна, — родился там и воплотил в необычных ритмах поэтический строй горных высот, рек и ущелий волшебной земли».

Все это было впитано русской культурой и встречалось на каждом шагу. Сочетание славянской широты и грузинской стати обогащало обоих. Мы ничего не навязывали Грузии. Наоборот, тут в полной мере проявлялась та самая «всемирная отзывчивость», о которой говорил Достоевский.

Взгляд, которым мы смотрели на грузин, включал в себя систему норм поистине идеальных. Грузинская статья, честь, рыцарство, пренебрежение к подачкам — все это действительно сохранялось в национальной ментальности. Но я хочу сказать, что Россия никогда на это не посягала, а наоборот,

всегда поддерживала. Нас отличало умение видеть в грузинах образцы рыцарства и чести, и этот взгляд выпрямлял их. Они гордо несли свою осанку под воздействием русского взгляда.

И вот сегодня мне рассказывают, что мы, оказывается, были завоевателями. Что в Грузии создают чуть ли не музей российской оккупации, а в Тбилиси появился проспект имени героя-освободителя Буша...

Еще несколько лет — и молодое поколение грузин перестанет говорить на русском языке. В свое время те, кто направлялись в Россию и возвращались, обогащенные русской культурой, называли себя «тергдалеулеби», то есть «испившие Терека». (Тогда путь в Россию лежал через Терек.) Где сейчас эти испившие Терека грузины?

Грузия выбрасывает русский язык, мы выбрасываем вино и боржом. Все это было бы смешно, когда бы не было ужасно. Мне рассказывают, что в некоторых тамошних интеллигентских семьях родители тайно нанимают учителей русского языка, чтобы дети не задохнулись в вареве русофобского патриотизма. Эта картина чем-то напоминает фантастический роман «451° по Фаренгейту», где в стране, запретившей книги, гуманисты заучивали их наизусть, чтобы передать внукам.

Уже сейчас вырастают поколения, которые забудут нашу обоюдную открытость, готовность воепринимать, впитывать и восхищаться. Уже теперь трудно объяснить молодым людям, что для нас значило грузинское застолье. Поколения нынешние, соблазненные макдоналдсами, забудут это. Столько веков связи не прерывались, и вдруг... Это, пожа-

луй, одна из самых тяжелых ран, которую нанесла Грузии политика ее нынешних руководителей. Если ненависть перейдет в народ, процесс может стать необратимым. Причем для обеих сторон. Человек, привыкший видеть в грузинах не представителей гордых горцев, а «лица кавказской национальности», уже не поймет, о чем я пишу.

Да и грузины, уверен, другого такого влюбленного не найдут, потому что для этого нужны века истории и особое сочетание звезд. Неужели они надеются, что американцы к ним будут так относиться? Да никогда в жизни!

Американская система может стоять только на американской ментальности. Она предельно рациональна и в качестве рациональной — жестка. Просветительские постулаты, на которых она построена, не предполагают множественности вариантов. Чужой образ жизни кажется не иным, а более низким. Существует лишь одна система, лучшая из возможных; все остальные допускаются только под флагом политкорректности, а вовсе не равнозначности и тем более достоинства.

У русских никогда этого не было. Российские присоединения нигде не означали реформирования национальных способов жить. Никого не обращали. Специфика российского мировосприятия — в самой культурной пластичности. Именно поэтому американцы не займут наше место в грузинской культуре, как и в нашей никто не займет место грузин.

И то, что сейчас мы теряем, по своим последствиям несравнимо с вином или боржомом. Торговые убытки еще можно компенсировать. А вековую традицию, тип отношений, готовность любоваться друг другом — нет. Мы теряем не нефть, не манда-

рины, даже не безопасность границ (об этом пусть заботятся политики и военные). Мы теряем то, что невозполнимо.

В сердце пустеет место, которое нечем занять. Если будет прервана связь, ни грузины, ни русские уже не будут прежними.

Люди спрашивают: ради чего все это? Ради сиюминутных выгод, заокеанских подачек и чужих геополитических задач? Ради этого прервать такую фантастическую традицию, зачеркнуть вековые устои — это можно себе представить?

* * *

Хочу подчеркнуть: я здесь вовсе не спорю с политическим курсом грузинских властей. Хотите помочь заокеанским спонсорам оградить Россию санитарным кордоном — как говорится, без комментариев. История нас рассудит. Но нельзя, исходя из этих сугубо политиканских, сомнительных целей, лишать грузинских мальчиков возможности читать Толстого в подлиннике.

Это вопрос политической грамотности — различать между глубинными процессами и сиюминутной необходимостью. Есть актуальный пласт времени: тут стратегии, тактики, выгоды. Тут живут политические обиды, фантомные боли и комплексы. Тут можешь устраивать торговые войны, соединяться в какие-то коалиции, создавать натовский пояс вокруг российских границ, проводить нефтепровод в обход России. Это вещи ужасные, но в историческом плане сиюминутные, политиканские и, извините меня, исправляемые. Торговая война — сегодня она есть, завтра нет.

Но связь между народами живет в другом масштабе и диапазоне, на ином уровне исторической

иерархии. Политиканству там не место. Там — память поколений, вековые напластования, традиции межнационального восприятия. Там — время истории. Там «дышат почва и судьба».

* * *

Можем сказать: ну и ладно. У нас есть своя нефть, обойдемся. Сегодня, в век глобализации, всем не до сантиментов. Нынче — как на всемирном футбольном чемпионате: мелькают народы, культуры, религии. Безлюбый мир не предполагает памяти поколений, патриархальной близости, соседской привязанности. Все заменяется чередой национальных контактов, калейдоскопом межгосударственных взаимодействий в глобальной перспективе.

Что ответчу? Не верю! Весь мировой политический опыт подсказывает, что мир не может регулироваться цинизмом, двойными стандартами, да бомбежками неугодных. Аморализм как этический принцип не может претендовать на всеобщее признание. Народы еще не утратили нравственного чувства, да и вряд ли когда-нибудь потеряют его.

Глобализму, хотим мы того или нет, должна соответствовать новая этика. Кто-то называет ее «абсолютной моралью», имея в виду такую мораль, с нормами которой согласились бы все. Другие говорят о всемирной отзывчивости. В любом случае прагматизму «мировой закулисы» и «войне цивилизаций» нужна нравственная альтернатива — и это не прекраснотушие, а необходимость. В прошлом веке стабильность мира держалась равновесием зла. В новом мире, который сейчас становится, народы просто вынуждены будут найти иные принципы взаимоотношений — не на противостоянии, не на высасывании, не на

выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов. Так можно было строить геополитику раньше. Теперь придется искать этический ответ на вызов глобализации.

Каким будет этот ответ, пока сказать трудно. Но уже сейчас ясно, что, если не найдем способа внедрить такие этические постулаты, как любовь к иному (народу, цивилизации) в мироощущение политической элиты, мировой бойни не избежать.

В этой перспективе то, что было, — а я убежден, что и есть — между народами России и Грузии, это не прошлое, а скорее будущее: яркий пример межнациональных отношений, построенных не на выгоде, а на любви. Или «на выгоде любви», если уж формулировать новую этику в старых понятиях.

Мы смотрелись друг в друга любящим взглядом, не держа ни зла, ни обиды, и это нельзя сбросить в лету ни с Метехского, ни с Москворецкого моста!

— Эх, как тебя на пафос потянуло, — сказал друг, когда я поделился с ним такими мыслями. — Только не вздумай все это писать. Нынче такое читать не будут: теперь все пишут иронично, стебно, невсерьез. А кроме того, ведь и не было в наших русско-грузинских отношениях никакого пафоса. Вспомни-ка: это у государства был пафос насчет дружбы народов, а мы просто любили друг друга — грузины русских, русские грузин.

И я вспомнил. Вспомнил последний день той первой поездки в Тбилиси. Провели мы его с приятелем в аэропорту — два «молодых специалиста» в первой командировке. Уставшие, полные впе-

чатлений, выполнившие труднейшее задание, но и погулявшие, поистратившиеся вдрызг. На обратный билет наскребли еле-еле, прибыли в аэропорт без копейки в кармане. Впрочем, у Иосифа, моего напарника, все было рассчитано и расписано до секунды: зачем, рассуждал он, деньги, когда в самолете покормят, а там, в Москве, доберемся. Родной все-таки город, не пропадем как-нибудь.

Но человек, как говорится, предполагает, а жизнь, особенно в Грузии — она порой так располагает, что и не знаешь, зачем тебе дана способность предполагать. Объявляют по радио: мол, воздушный лайнер задерживается. На два часа. Затем еще на два. Потом просят пассажиров не беспокоиться. Ну, мы-то, положим, не беспокоимся, но организм-то все-таки молодой. Начинает, как говорится, подсасывать. Вначале под ложечкой, затем поднимается сухость до горла, потом спускается в ноги, после чего снова наверх, легкое головокружение. Короче, когда через сутки, отлежав все бока на жестких скамейках, мы снова услышали по радио предложение подождать, я припомнил уже весь набор ощущений, знакомых по голодному военному детству. До предобморочного, конечно, еще не дошло, но окружающее пространство периодически смазывалось и плыло, потом восстанавливалось, однако все реже.

И тут, среди этих голодных наплывов, словно виденье, невесть откуда материализовалась странная фигура. Вся в черном, худющая, чуть скрюченная, да еще с помелом в руке. Она напоминала какое-то фантастическое существо из книжной иллюстрации, но кого именно, так и не вспомнил.

— Ребята, — сказало видение трескучим голосом, — идем!

... Жизньна ашотрала и гурбанлар.
— А то убурава тушт, — парсманна она, —
ашотро: банорай гена ре сунте...

Не очень соображая, что происходит, мы, разумеется, поднялись со своих мест, поплелись за странной женщиной. Вышли из здания аэропорта, куда-то заковыляли, пока не оказались у крошечного строения, которое она стала отпирать каким-то ржавым ключом. Потом скрылась в глубине, пошуршала, побряхтела и наконец снова опредметилась, держа в руках две бутылки боржомом с буханкой хлеба.

— Больше ничего нет, — пояснила она, сделав специфически грузинский жест для ясности.

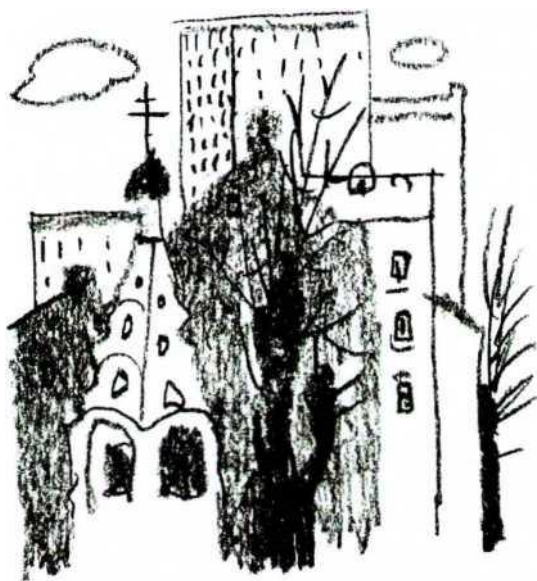
С какой скоростью мы уплетали буханку, запивая водой, объяснять, полагаю, не надо. Жаль, не было представителей Книги Гиннеса: рекорд по поеданию буханок взяли бы точно. А женщина смотрела и улыбалась.

— А то убираюсь тут, — пояснила она, — смотрю: второй день не едите...

С тех пор прошло без малого пятьдесят лет. Но тот вечер, ту грузинку-уборщицу, тот вкус боржомом с хлебом отпечатался на всю жизнь как одно из ярчайших переживаний. Даже не знаю, как его охарактеризовать: сказать, что ничего вкуснее никогда не ел? Это банально, да и дело не в том.

Где-то в Евангелии говорится: Бог больше ценит жертвование не того, кто много имеет, а того, кто сам нуждается, делясь последним. И хотя мы не боги, но в этом отношении, думаю, точно созданы по образу и подобию. Потому что сколько уж я получал за жизнь ценнейших подарков, принимая и с радостью, и с признательностью — но такой горячей волны благодарности, истекающей прямо из сердца, как к той бедной грузинке, не испытывал, кажется, ни к кому. Так что и вправду: причем тут пафос. Просто любовь.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

Роддом у нас называли просто «родилкой». Он находился как раз напротив двора, так что родителям не пришлось тратить много времени, чтобы донести меня до барака. Думаю, то был единственный случай, когда мною занимались всерьез.

Вскоре тем же путем принесли третьего сына, Серегу. Тут-то и выяснилось, что я - «средний», то есть срединный, нормальный, промежуточный. Похоже, это так на меня повлияло, что с тех пор навсегда исчезла способность воспринимать себя как нечто особое и отмеченное. Так что даже когда учительница Нина Николаевна предрекала: «Ты, Лужков, допрыгаешься!» - я отнюдь не воспарял до особых высот.

Если что и отличало меня от других, то скорее, как раз полное отсутствие интереса к себе, растворение в окружающем. Я был счастлив, что живу в этом городе, в нашем дворе, и всегда точно знал, что место, в котором живу, лучшее в мире.

Такое чувство возникало не от того, что мы, как сейчас говорят, вроде «не видели западных диснейлендов». Во-первых, никакой диснейленд не смог бы сравниться с ледяными пещерами котлована на брошенной стройке, где зимой вода уходила, оставляя толстый покров льда. Мы вылезали из этих пещер перепачканными до ужаса,

зато испытавшими нечто такое, чего посетители патентованных зрелищ не получают никогда.

А во-вторых, мысль, что живешь в центре мира, естественна, где бы ни жил. Просто потому, что жизнь - повсюду, и у нее, как сказал один математик, центр везде, а периферия нигде.

Наш «центр» находился у Павелецкого вокзала. Туда отправлялись по праздникам на гулянье, там были бани, рынок, милиция. А главное, там останавливались танки после парадов 1 Мая и 7 Ноября. Постоять рядом с громадной рыкающей машиной, а то и залезть, если позволят, на вычищенную к празднику броню — для мальчишки военного времени могло ли быть что-нибудь увлекательнее?

До Павелецкого ходили пешком, но то была забота взрослых. Детвора занималась тем, что находила в округе двора. Тут был целый мир, предназначенный для детского постижения, с презрительно-уменьшительными названиями: «картонажка», «мыловарка», «пожарка»...

Начнем с «картонажки». Забраться туда было проще всего. Там делали конфетные фантики, шоколадные обертки и прочую красоту. Самих сладостей мне в детстве совсем не досталось, зато фантиками судьба не обделила. Склады запирались, но не охранялись. Мы забирались в огромные ангары и брали сколько могли.

Особенно привлекал почему-то шоколад «Сказки Пушкина». Там на синем, гладком, хрустящем под пальцами фоне, в золотой от сияния комнате сидел некий юноша по имени Пушкин с бабкой по имени Няня. Чем завлекала эта картинка? Ни танков, ни самолетов. Но вся будущая привя-

занность к поэзии была мне словно предсказана этой оберткой. Подолгу вглядываясь в золотистую охру комнаты, я как бы пытался услышать звук пушкинской речи. И уже потом, в школе, получив доступ к стихам, погружался в сияние того самого света, что был подарен в виде красивой обертки, как другим дарили шоколад.

«Мыловарка» стояла в самом центре двора. Там делали хозяйственное мыло и в довольно больших количествах. Но нас, детей, занимало не производство, а сырье — постоянно обновляемая и пополняемая гора гниющей падали со странным названием мездра.

Даже в самые страшные годы войны я не мог мыться хозяйственным мылом, ибо видел, из чего оно делается. Вы не знаете, что зовется «мездра», и не надо: это разлагающиеся шкуры, лапы, уши и прочая дрянь с чудовищным запахом и непременным нашествием ворон. Они-то и поглощали ребячье внимание. Мы били их из рогаток, воображая фашистскими захватчиками. Враг кричал страшным голосом и улетал в ужасе.

На мыловарке работала, кстати, кочегаром моя мамаша. у нее было свое помещение — котельная. Там стоял паровозный котел, и всегда было жарко, сухо и хорошо.

Котел занимал все пространство помещения, горячий и огнедышащий, как плененный сказочный зверь. Мы кормили его углем, принося пищу со двора ведрами. Следили за уровнем воды в организме, подкачивая большим секторным насосом. Выгребали серый, неинтересный шлак. Но предметом детской гордости было искусство кидать в топку уголь лопатой — да так, чтобы попасть

точно в то место, где на фоне ровного красного огня выгорало черное пятно.

Впрочем, главным была не работа, а то, что сейчас я бы назвал созерцанием, а тогда не знал, как назвать. Смотреть в огонь подолгу, не отрываясь, было любимым занятием. Множество трубок спускались торцами в пламя огня. Горячий воздух смещал их. Казалось, они шевелятся и дрожат, исполняя какую-то неслышную музыку на светящемся органе.

Нас тогда не водили в церковь. Ни золота окладов, ни пламени свечей не присутствовало в детской жизни в те годы. Все это пришло уже позже, в сознательном возрасте. Но то, что пленило чудом православной литургии, я встретил как нечто знакомое, потому что впервые душа испытала это в той кочегарке.

Однако не будем задерживаться. Такие минуты — святые, и говорить о них как-то нескромно. К тому же не созерцательность составляла главное содержание детской жизни. Да и мать вскоре лишилась места. После войны кто-то решил проявить заботу о женщинах: вышло постановление, запрещающее им ряд профессий военного времени, кочегара в том числе. Мамаша жутко переживала. Из сухого, ароматного жара кочегарки попасть — куда бы вы думали? — в царство Снежной королевы. Ее сделали машинистом холодильных установок. Тут все было наоборот. Холодно. Белые шубы инея. Резиновые сапоги. Запах аммиака. Мне это тоже совершенно не нравилось, и я перестал бегать к ней на работу. Но уговорить дирекцию вернуть нас в тепло кочегарки мамаша уже не могла.

Итак, куда же теперь — на брошенную стройку, к пожарке? Детям во дворе разрешалось

все. Мы жили без всякого надзора со стороны взрослых. Можешь бегать по любым пустырям, помойкам и свалкам: пока не свернешь себе шею или не побьешь чужого окна, твой маршрут никого не касается. Лишь вечернее время дает право «загнать человека домой».

«Пожаркой» называли старый барак на берегу Москвы-реки и недостроенное здание пожарной части, начатое еще до войны. Пожарных мы не любили. Причем взаимно. Мы их — за то, что они оккупировали пристань (там стояли их катера). Они нас — за то, что мы с этой пристани прыгали и вроде мешали работать. Ха! Но мы-то ведь видели, что они не работают, а весь день бездельничают у себя в бараке! Мало того. Кто-то принес из дому фразу, услышанную от взрослых, что «пока мужья на фронте, эти обхаживают чужих жен». Смысл фразы был нам непонятен, но выводы мы сделали соответствующие.

И устраивали им «пожары».

Делалось это так. Большая ватага мальчишек набирала дерево, толь, керосин. Все это сваливалось у двери, которая подпиралась какой-нибудь доской. Спичка... И врассыпную! Пожарные вылезают в окно, грозят кулаками, гасят. Они всех наперечет знают, кто им такую подлянку устраивает. Но ленятся до поры до времени.

Наконец один не выдержал, погнался. Только тут мы осознали, что значит «играть с огнем». Как мартышки, ловко, быстро вскарабкались на крышу недостроенного здания гаража. Вдруг видим — жуть какая — «он» за нами! Уцепился за навес, подтянулся, лезет... Вход на крышу только один, а внизу ров, свалка. Либо будешь избит до полусмерти, либо прыгай. И мы — прощай, родина! — прыгнули.

Больше всего в тот момент мы были, вероятно, похожи на членов добровольного общества самоубийц. Кто-то со стороны мог, правда, подумать, что наблюдает сеанс коллективной галлюцинации: дети в трусиках принимают старую стройплощадку за бассейн с водой. А ведь там, внизу, не вода, там кирпич, крючья, балки. Как уж мы остались живы, Бог весть.

И лишь когда бесконечный (как мне показалось) полет закончился, и мы, изодранные до полного изнеможения, взглянули вверх, боль и кровь отступили перед моральной победой. Она была на нашей стороне. «Он» прыгать не стал, испугался. Правда, в этом уже не было нужды. С того раза мы прекратили «делать пожары», а пожарные — гонять нас с пристани.

После войны пришла другая напасть: в Москве-реке вообще запретили купаться. И видимо, правильно. Вода была так грязна, что когда мой друг Ленька Карамнов полез за этими... как их... ну, в общем, вы знаете — мужскими такими резинками, которые мы за отсутствием полового воспитания пытались использовать как воздушные шары...

Так вот, когда Ленька обнаружил в одной из заводей эти «гондоны» и, обуреваемый грехом накопительства, «вплыл в нефтянку», он вылез оттуда таким страшным, что даже мы, выдавшие виды, бросили все дела и побежали искать керосин. Рожу отмыли, но вскоре ее разнесло до такой ширины, что казалось, это водолазный шлем привинчен к голому телу. Испугавшись вконец, побежали «к Цинделю». Так называлась «полуклиника», построенная еще до революции каким-то Цинделем в Дербенях. Там всегда дежурила

наша спасительница, старая добрая Вильнер Циля Абрамовна. Нет, вроде Сара Моисеевна. Дело не в этом. А в том, что, ощущая себя всеобщей мамашей, она мастерски залечивала бесчисленные наши раны, постоянно ведя вслух заочную полемику с родителями по поводу бескультурья детей-босяков. Она не понимала, что мы были босьяками — в прямом смысле слова — вовсе не только по бедности: носить обувь вообще считалось дурным тоном. Она многого не понимала, эта добрая врачиха Вильнер, но о ней потом.

Так вот, когда после войны в Москве-реке запретили купаться, нас это, конечно, не остановило. Мы прыгали в густую, в разноцветных орнаментах воду, заботясь лишь о том, чтобы не попасть в руки «ментов».

Делалось это так: выставив одного «на атасе», сдавали ему все трусики — единственный наш гардероб — и голышом, разбежавшись по краю пристани, ныряли до одури, до посинения. А когда появлялся милиционер, наш охранник с криком «атанда» должен был бежать к заранее условленному месту, а мы со всякими обидными словами уплывали вниз, к автозаводу, где уже начинались свалки, болота, дебри и куда наш преследователь вообще не доходил.

Однако, как говорилось в старых книжках, всему однажды приходит конец. Один из милиционеров оказался хитрым как бес. Уж очень, видно, мы ему надоели. Придумал он нам такую каверзу. Остановил вдалеке грузовик, забрался в кабину и, свернувшись там как змей подколодный, велел водителю ехать к пристани. Естественно, наш страж ничего не заметил: мало ли полуторок каталось по набережной в те времена. Вдруг

машина останавливается, из кабины, как пес из будки, выскакивает этот дьявол, хватая наши трусики... И — следующая сцена, которую мы видим — спокойно и важно, помахивая арестованным гардеробом, приглашает вылезать из воды. Делать нечего. Пришлось сдаваться на милость победителя.

Но милости не было. Он придумал страшную казнь. Приказал нам забираться в кузов, а водителю — опустить борта.

Вы только представьте себе всю сцену. Мы стоим голые, прикрывая стыд руками. С нами милиционер, улыбающийся во всю свою страшную физиономию. Вокруг народ собирается. А он еще велит водителю «дудеть», привлекая внимание прохожих, и ехать медленно-медленно до самых Кожевников, до отделения. А это и в штанах далеко.

Вы, конечно, подумали, милиционер вызвал родителей, требовал наказания? Нет, господа. Система взаимоотношений того времени не допускала разборок и тяжб. Все строилось на договоре. Каждый из нас получил назад свои трусики и мощный пинок в зад. Инцидент был исчерпан. Мы обещали там больше не купаться. И, действительно, не купались. Честное слово считалось святым.

Возвращаясь к доброй врачихе Вильнер, должен сказать, что, ведя постоянную войну с нашим варварством и бескультурьем, она, конечно, не понимала, с чем имеет дело. Ей ничего не стоило приучить нас дезинфицировать свежие раны струей собственной мочи или головешкой из костра. Но эти правила усваивались до тех пор, пока не затрагивали дворовой этики, ставившей представление о мальчишеской доблести в непосредственную связь с риском увечья.

Здесь надо вообще сказать о том, что такое двор, а главное — что не все дворы того времени были похожи на те, что описаны в «Детях Арбата».

Были дворы интеллигентские, были спортивные, даже воровские. Наш двор был хулиганский. Это значит, он провоцировал особый рискованной настрой — с кем-нибудь подраться, что-то такое «отчебучить», «обозначить», «отметить»... Ну, на- пример.

Подплыть как можно ближе к тягачу или барже, да так, чтобы уже стало «подсасывать». И тем не менее выплыть обратно. У кого не получится — сам виноват.

Или: разбежавшись по краю пристани, перелететь через торчащие из воды или скрытые под поверхностью сваи, чтобы попасть в глубину. Один не долетел, напоролся, но это не повод, чтобы другим перестать.

Или: зимой, прикрутив «снегурки» веревками к валенкам, уцепиться железным крюком за борт грузовика и нестись по заснеженной набережной, пока он не свернет вбок или ты себе — шею (оборот неграмотный, но ведь и предмет таков). Кто-то налетел на оттаявший кусок дороги, шлепнулся, попал под колеса шедшей сзади машины... Все это тоже нормально и неизбежно. Просто издержки. Без них не обойтись.

Если вы спросите, почему именно в таких варварских и рискованных, а не каких-то разумных и безопасных играх должны были проходить лучшие детские годы, я, ей-богу, не найдусь, что ответить. Но взрослые — чего не могла понять никакая Вильнер, — именно взрослые, предоставляя нам полную свободу, не только не препятствовали, но даже скрыто потакали этой страсти к опасной

игре. С одной стороны, тут была неизбежность: мамаша работала сначала на двух, а потом и на трех работах. Мы росли не только без надзора, но и без элементарных представлений о гигиене, безопасности и прочих полезных вещах. Но, с другой стороны, предоставляя нас рисковому и бесшабашному настрою двора, взрослые явно руководствовались каким-то веками отработанным коллективным инстинктом. Так мужчины охотничьих племен берут детей с собой в лес: племени нужен охотник. А уж выживет он или нет, это как повезет.

Впрочем, была во всем этом одна особенность, в связи с которой наша заботливая врачиха особенно волновалась: дети традиционных общин играли в опасные, но выверенные обычаями игры. Мы же, будучи сынами не только послевоенной разрухи, но и научно-технического прогресса, изобретали все новые формы риска и добавляли к известным опасностям неизвестные.

Хотите про «взрывы»? Хороший пример.

После войны они были, собственно, делом обычным. Только ленивый не «тиснет» снарядик с Павелецкой-товарной, только полный придурок не сумеет разобрать фашистский трофей. Были взрывы обычные, холостые, бывали «большие», с наполнителями. На все существовали свои отработанные рецепты и методики.

Первой задачей было, конечно, разобрать снаряд и достать порох. В немецком трофее он располагался, как правило, в виде маленьких стерженьков. Их следовало грамотно распределить: что на взрыв, что на дорожку. Только новичок делал дорожку недостаточно длинной, а потом отбегал, как сумасшедший, еле успевая

спрятаться. Профессионал отходил достойно, у него времени хватало на все.

Во-вторых, наполнитель. Я любил «карбид». Его было много в то время. В разных местах без разбору вываливали кучи гашеной извести, где всегда можно было найти кусочки, еще способные «булькать».

Что в-третьих — кто скажет? Правильно, дым. Значит, нужна ацетатная киноплёнка. Ее тоже было немало на свалках. Методика предписывала туго свернуть, обернуть бумагой, конец бумажного свертка поджечь, огонь затоптать. Тогда это долго-долго дымит. Получается мощнейшая дымовая завеса.

Итак, теперь вы все знаете. Начинаем! Лужа, карбид, порох, дымовая завеса, дорожка из пакетиков — поджигаем...

...Бабах!!

И чем сильнее это «бабах», тем больше ты себя уважаешь. Радостнее на душе.

Впоследствии, когда все, о чем я сейчас расскажу, уже случилось, никто не мог вспомнить, кому, собственно, пришла в голову эта дурацкая рационализаторская идея — мол, зачем разбирать-то? Может, так положим снарядик в костерчик? Кто против? Никто. Ладно. Сделали бруствер. Развели огонь. Сунули туда головочку. Спрятались...

...Когда угол недостроенного здания пожарки был вырван с ключьями, а в родилке посыпались стекла, мне стало ясно, что техника требует знаний. По-моему, именно в тот момент решил, что нужно учиться.

В масштабах двора происшествие выходило за рамки обычного. И тут появился Брит, участковый. Говорили, он был комиссован из армии.

Человек очень опытный, уважаемый, он, конечно же, все про всех знал, и ему ничего не стоило разобраться в ситуации. Он разговаривал со мной, с мамашей, со всеми детьми, со взрослыми... Двор стоял насмерть, как партизан. Ни уговоры, ни угрозы — ничто не помогало. Круговая порука была непреложным законом жизни.

Разумеется, после всем нам страшно досталось. Мы надолго запомнили, что не всякая новая техническая мысль достойна воплощения. Но втолковывать подобные вещи было делом двора, а не внешней власти. И потому никто (понятно? никто!) не имел права «пролегалить». Если бы нечто такое случилось, дворовой коллектив не простил бы. Просто собрался бы в кулак. Фискала не только побили бы — это уж как бы само собой. С ним могли сделать самое страшное. Называлось «бойкот». А в этом случае дворовая солидарность работала с такой силой, что никто, даже ближайший друг, не осмелился бы смягчить коллективно принятой меры публичного наказания. Человека не видели в упор, он превращался в тень, в живого мертвеца и — такова уж сила коллективного внушения — как бы убеждался в собственном несуществовании. Лишь со временем наступало прощение, порченный потихоньку приобщался к нашим играм. Зато кодекс чести усваивался на всю жизнь.

Двор умел наказывать, но он умел и защищать. Однажды я это почувствовал со всей силой. В тот раз оказался жертвой ложного обвинения. Какая-то «эмочка» въехала во двор, кто-то швырнул в нее камень. Случайно, конечно. И все же — разбито стекло, водитель хватает кого-то из малышей, начинает трясти, допрашивать, кто это сделал. А тот

с перепугу: «Лужков, наверное». Такая у нас была репутация. И вот я играю возле дома, тут появляется этот тип, хватает за волосы (да, да, за волосы...) и орет, что я разбил какое-то стекло у его дурацкой машины. Вы не представляете себе, что со мной было. Отбивался как зверь. Кричал, что если бы это был я, он бы меня вообще не увидел! Тут подошли взрослые, мои аргументы показались разумными, и они вложили обидчику за то, что нашел не того.

Вот что такое «двор». И сейчас удивляюсь, откуда у людей, живших вовсе не в старых домах, а в недавно отстроенных бараках, было такое чувство хозяина. Это была их территория, и они управляли ею без вмешательства властей. Бывали проблемы, возникали распри, но все как-то разрешалось внутри двора, ибо строилось на коллективном инстинкте территориальной общности.

Сейчас спрашиваю себя: что это за общность? Что за странное образование — двор? Несколько домов, оказавшись рядом, объединяются в одно целое. Придомовая территория (а вовсе не квартира и даже не дом) психологически определяется как место проживания. И это, по сути воздушное, юридически не ухватываемое пространственное образование обрастает привычками, традициями, привязанностями.

Двор — естественная форма внутригородской территориальной общности. Обозримое пространство местной солидарности со своей этикой и коллективной спайкой. Самоорганизующаяся маленькая общинка, противопоставленная и городу, и государству.

Различия возрастные, имущественные теряли значение во дворе. Он был пространством общения, встреч. Во дворе танцевали, сушили белье,

играли. Здесь искали помощи и защиты. И если жили, как мы, очень плохо, то все равно никому не завидовали, не вели бесконечных разговоров о том, что кто-то живет лучше.

Нет, я не хочу идеализировать ту нашу жизнь. Если начну говорить про условия быта, она покажется просто ужасной. Ну, немножко.

На шестерых — одна комната. Лишь после войны отец отдал соседу «нашу часть» общей кухни, взяв взамен «его часть» внутреннего сарая. Получилась как бы отдельная квартира.

В ней все равно воды не было (провели много позже), газа не было (готовили на керосинках), канализации не было (ее заменяла выгребная яма и вертикальный ствол двухэтажного туалета — поскольку мы жили на первом, в детали лучше не вдаваться).

Электричество было всегда.

И еще было чудовищно холодно, ибо стены дощатые, засыпные, а отопление печное, непостоянное. В морозы тепло выдувалось насквозь.

Все ходили в рванье и отрепьях. Лишь после войны мы, трое братьев, получили в подарок один на всех ядовито-зеленый «полпердон» — единственное, что отец привез с фронта как немецкий трофей. Эта штука была невероятных размеров. Зимой я поддевал под нее телогрейку и в таком виде проходил и детство, и юность, и мои университеты, то есть Нефтяной институт.

Жили впроголодь. В войну все по карточкам, а работала только мамаша. Значит, рабочая карточка лишь одна, а нас, вечно голодных, трое плюс бабуся, мать отца. В общем, этого не передать. Все время хотелось... даже не есть, а жрать, все равно что. Во дворе дети пухли и умирали от

*Дружба, мужское достоинство
и особая, своеобразная детская жесть
культивировались в этой среде с какой-то
кистью силой.*

голода. Нам объясняли, что значат их похороны: душа отлетела на небо, там накормят.

Лишь один раз за все детство я испытал чувство сытости. Это когда мы наелись белой глины. Кто-то сказал, что она съедобная. В общем, нашли на путях. Набрали ведро. Притащили домой. Посолили. Вечером приходит мамаша. Разведчик она была первоклассный, почуяла недоброе еще в коридоре: что? где? откуда набрали? Мы, очень довольные, хлопаем себя по животикам: вон в ведре, тебе тоже оставили. Хочешь, поешь.

Выражение ее лица я буду помнить всю жизнь. Впервые увидел испуг взрослого человека. Вмиг остаться без всех троих сыновей из-за какой-то неведомой глины... Сбежались соседи, начался диспут, кто говорил «вырвать», кто подождать. Победило, как всегда, наше российское «авось пронесет». И действительно, пронесло. В натуральном смысле. Глина вышла, не оставив следа, а с нею и сказочное чувство сытости.

Я мог бы еще долго описывать тяготы нашей жизни. Но честно скажу: как-то не хочется. Нет этого чувства в воспоминаниях. И в жизни не было. Имею в виду: не было чувства, что что-то не так.

Хотелось есть? Очень. Но это казалось естественным. Замерзала чернильница? И это считалось нормальным.

Никто не ощущал себя обделенным, не было настроения, что настоящая жизнь бьется не там, где живешь. Какие бы беды, нищету, голодуху мы не переживали, надо всем царило ощущение абсолютной нормальности. Даже если бы мне сказали, что что-то неправильно в нашей жизни (кроме, естественно, временных трудностей), я все равно ничего бы не понял. Настолько все

вытеснялось какой-то общинной, хозяйской доброжелательностью.

Да, были тяготы — но мы всегда искали повод порадоваться. Были неприятности, но их никто не переживал в одиночестве. Не составляло проблемы зайти к соседу занять картошки, хлеба, денег. Когда случался праздник или семейное торжество, это было делом всего двора. А уж если к кому приезжали с фронта и требовалась бутылка водки — тут напрягались все сообща, скопом, чтобы принять, не ударить лицом в грязь, показать, что еще живы.

Двор был комплексной школой и солидарности, и стойкости, и всего того, что на всю жизнь стало основой системы этических ценностей. Дружба, мужское достоинство и особая, своеобразная детская честь культивировались в этой среде с какой-то неистовой силой. Поколения вырастали и уходили, на их место приходили новые, но заповедная зона внутренней порядочности по отношению друг к другу оставалась. Она поддерживалась не клятвами и не объяснениями. Я даже не помню, чтобы кто-то кому-то что-нибудь объяснял. Тут работал другой механизм, подкреплявшийся не моральными доводами, а силой неписаного дворового кодекса. Каждый знал, что можно делать, а чего нельзя просто потому, что не простит двор.

И в этом смысле не было, кстати, больших различий между нами и «детьми Арбата». При всей разнице дворы походили друг на друга каким-то общим духом, особым акцентом жизни, той теплой общинной средой, в которой человек рождался, начинал понимать себя и окружающих и становился, наконец, «москвичом».

Вокруг него был родной город, к которому нельзя было относиться иначе, как к своему, любовно и бережно, с той незабвенной московской ласковостью, что еще и сегодня чувствуется в старых названиях транспортных средств: трамвай «Аннушка», троллейбус «Букашка»...

...Я не знаю, что случилось дальше и, главное, почему это случилось. Но постепенно чувство единства, солидарности, общности стало исчезать.

Дворовая семья растворилась. Откуда ни возьмись, появилась какая-то замкнутость. Москва неожиданно, как-то вдруг, оказалась другой. Совсем другой. Все разделилось на семьи, соты, ячейки. Люди перестали узнавать соседей по лестничной клетке. Исчезла привычка запросто заходить друг к другу, интересоваться, делиться, помогать.

Возник какой-то странный для Москвы отчужденный настрой. Словно москвич чем-то обделен, будто кто-то его обидел, чего-то недодал. Бог знает куда делся извечный московский шарм — атмосфера общности, доброжелательности. Люди стали жить изолированно, не ощущая под собой, вокруг себя родного пространства.

Я много разговаривал об этом с друзьями, учеными — социологами, психологами, демографами. Читал статьи архитекторов. Все излагали «объективные факторы»: мол, город разросся, город разнесся. Говорили о процессах урбанизации и прочих ученых вещах. Я уважаю подобные объяснения. Но мне, коренному москвичу, всегда становилось не по себе от какой-то их отстраненности или, лучше сказать, обреченности. Они узаконивают то, чего я не могу принять.

Появились новые районы? Так и у нас был «новый район».

Большой приток некоренных москвичей? Но и в нашем дворе жили некоренные москвичи.

Раздражают бытовые трудности? И тогда было нелегко.

За всеми научными объяснениями скрывается один неверный, на мой взгляд, тезис: старый московский двор трактуется как пережиток патриархальных отношений. А я убежден, что никакой это был не пережиток, а самая настоящая, подлинная Москва.

Хочу сказать, что в 1960-е годы вместе с дешевой строительной технологией мы завезли вирус разорванности и отчужденности. Архитектура стала разрушать дворы, эту особую московскую общность.

Нет, я не против прогрессивных строительных технологий. Но вместе с ними мы заимствовали и привили на нашей почве самые вульгарные планировочные проекты. Даже в американских кондоминиумах, куда съезжаются люди из особняков (и где, как известно, вообще культ индивидуализма), я видел общие холлы, дворовые площадки, территории для общения. Во всем мире идет этот поиск «местных комьюнити», новых форм территориальной общности. Люди не хотят отождествлять себя с чем-то центральным, большим, удаленным. Повсюду желание — утеплить, одомашнить, разукрупнить.

Трактовать московскую дворовую общность исключительно как пережиток патриархальности — все равно что объявить «феодальной» российскую традицию застолья и насильственно заменять ее европейским «а ля фуршет». Сегод-

ня такой стиль уже прививается в домах «новых русских»: вот тебе бокал, вот тарелка, иди гуляй. Но чем больше московских хозяек перестраиваются на эту систему, тем явственнее, кажется, привкус стилизации. Потому что за ней — не «современность», а иная традиция, не этап, а культура: привычка воспринимать каждого из гостей автономно, отдельно, а не общиной, не собором, как в нашем застолье.

Нет, я никогда не призывал реставрировать дворы, эту якобы московскую идиллию. Идиллии не было, и вернуть ничего нельзя. Но найти сегодня, в нынешней жизни, какой-то аналог той старой утраченной общности, вновь обрести чувство теплоты по отношению к окружающему пространству, думаю, все же возможно. Во всяком случае, для многих людей моего поколения это стало затаенной мечтой.

Разумеется, пока я работал инженером-механиком или директором «Химавтоматики», подобные темы не выходили за рамки разговоров на кухне. Да и потом, став неожиданно для себя первым зампредисполкома, тоже всерьез не задумывался над решением этих задач. Такие идеи могли показаться тогда пустым трепом. Но сегодня я — мэр, и моя мечта — вернуть москвичам город. А, впрочем, и не мечта даже, ибо простой анализ городской ситуации убеждает, что без воскрешения традиций коллективного обживания город не выберется из своих проблем.

Конечно, администрация тоже должна многое сделать. Но развитие города не может осуществляться только усилиями, идущими сверху вниз. Нужна вторая, встречная сторона — инициатива самих горожан, разнообразные формы territori-

ального самоуправления. Они нужны городу, потому что благодаря этому в сфере благоустройства возникает конкурентно насыщенная среда. Они нужны жителям, ибо только так люди перестают ощущать себя беззащитными в столкновении с городскими чиновниками. Они нужны всем, — но мэр не может ввести их в приказном порядке. Ничего не получится. Мы можем лишь создать условия, налогово-правовую базу, стимулирующую творческие попытки развития территорий. Уже сегодня многие решения, принимаемые муниципальной властью, преследуют эту стратегически важную цель.

Поощряя домовые товарищества, мы не просто хотим возложить на них заботу о коммунальном фонде и, обсуждая вопрос о регистрации приезжих, имеем в виду не только абстрактные нормы права.

Для нас важно еще настроение москвичей, их самоощущение.

Нужно вернуть им город.

ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

(НЕБОЛЬШОЙ СЮЖЕТ ДЛЯ ДЕТЕКТИВ-ШОУ)

Россия страна загадок, писали озадаченные иностранцы. Но интересно, что и русский люд неизменно придерживался того же мнения.

«Мы рождаемся с загадкой в сердцах и потом всю жизнь лелеем ее на собственных боках, - свидетельствовал российский губернатор М.Е. Салтыков-Щедрин. - Куда ни обернитесь, на всех лицах вы видите страстное желание проникнуть за пределы загадочной области, и в то же время на тех же лицах читаете какое-то фаталистическое осуждение: нет, не проникнуть туда никогда».

Что эта страсть к постижению загадочного жизнеустройства вовсе не нова, а идет из глубины веков, подтверждается памятниками древности. В старинных русских сказках ежели молодой человек не отгадает как минимум трех загадок, черта с два ему отдадут невесту, не говоря уже о более ликвидном приданом. В заморских байках женихов тоже испытывали. Но там предлагали нечто более прагматичное — намолоть, скажем, за ночь амбар зерна. И это понятно: ведь испытание

должно выявить качества, необходимые будущему мужу. У нас же считалось, что для успеха в жизни мужчине требуются иные таланты.

Сама жизнь на российских просторах всегда казалась столь нелогичной, так переполненной всякими несуразностями, что без способности ориентироваться в абсурдной ситуации тут просто не обойтись. Не говорю уж о «вечных вопросах» общественной мысли: «Кто виноват?» или «Где деньги, Зин?» Но и в делах более приземленных, на самых, можно сказать, узких участках российского пространства — во дворе или даже в лифте, — и тут приходится прилагать недюжинные мозговые усилия, чтобы разгадать, например, кто да и как успел согнуть пополам трехдюймовую трубу-стойку качелей на детской площадке перед самыми вашими окнами, хотя ее устроили только вчера.

Вот почему, мне кажется, в нашей стране так популярны всякие детективы. Дело тут не в специфике литературных вкусов, как думают некоторые критики, а в самой народной потребности. Что в Европе развлекаловка, для нас — повседневность. Что там чтиво, у нас наука. Причем настолько важная, что порой просто стоишь, что называется, с разинутым ртом (в буквальном, между прочим, смысле) и никакая мысль, никакой шерлокхолмсовский дедуктивный метод не помогает.

* * *

Так стояли мы, задрав головы, в полном молчании, не в силах двинуться с места.

— Кто это сделал?

— Не знаем, Юрий Михайлович.

— Да как туда забрались-то?

— Да и забраться никак невозможно!

Несколько квадратов стеклянного перекрытия крыши только что отреставрированного Гостиного Двора были хамски разбиты.

Вам, наверное, трудно представить себе всю описываемую «немую сцену», напоминавшую финал «Ревизора». Двадцать взрослых мужиков, опытных хозяйственников, перевидавших на своем веку... — да уж чего только не перевидавших! — стояли неподвижно, как фонтанные кони работы Церетели, задрав головы, в каждой из которых крутился только один вопрос: как же это удалось побить стекла на такой высоте.

Тут по законам жанра автор должен сделать остановку. Поскольку участнику «детектив-шоу» предлагается высказать версию случившегося, постараюсь включить читателей в ситуацию. Все знают, что такое Гостиный Двор? Нет? Советую сходить посмотреть. Это наша гордость.

Это даже не двор, а скорее площадь, а точнее — обстроенный по периметру целый квартал между Варваркой, Ильинкой, Хрустальным и Рыбным переулками. Там всегда был рынок. И не в каком-то либерально-метафорическом, а в самом обычном смысле. Собственно говоря, базар начинался раньше, от стен Кремля и продолжался почти до Лубянки. Вначале шли «верхние ряды» (сейчас ГУМ), затем «средние» и чуть справа «нижние» — огражденный по периметру торговыми лавками и гостиницами двор, куда заезжали телеги с товаром, где были конские стойла и вечно шел бойкий торг. Настолько бойкий, что — приведу лишь один факт — под старым фундаментом небольшой лавчонки мы нашли клад времен Ивана Грозного: там было 95 000 золотых

и серебряных монет, причем не только наших, но и иностранных.

Поскольку российские купцы никогда не отличались пристрастием к чистоте и порядку, то московские власти всегда воспринимали это рыночное пространство как головную боль. Каждый новый генерал-губернатор начинал с обещания упорядочить архитектурный хаос. Гостиному Двору повезло больше других: в екатерининские времена над проектом трудился не кто-нибудь, а сам великий Кваренги. А после пожара 1812 года восстановлением руководил замечательный архитектор Бове. Москва гордилась своим Гостиным Двором.

Но гордиться пришлось не вечно. С переводом в Первопрестольную столицы коммунистической империи оказалось, что нахождение чего-то позорного, а именно рынка, рядом со святыней, то есть Кремлем, идеологически недопустимо. «Верхние ряды» превратились в режимное место (туда вообще никого не пускали), а «нижние», оставшись бесхозными, — в хаос. Поскольку в этом районе запрещалось строить жилье, на опустевшее место, как кусочки космического мусора, стали слетаться фрагменты советских контор. Какие-то бухгалтерии, дирекции, склады и прочие оторвавшиеся от своих учреждений частички административных пространств размещались тут с той прихотливостью, на какую способно только плановое хозяйство с тыльной стороны. Добавьте сюда пристройки, временки, наружные лестницы и мусорные кучи — и вы поймете, какое бессилие ощущали советские руководители, посещавшие это место с намерением разобраться. Во всяком случае, ни приезжавший сюда Е.К. Лигачев, ни

первый секретарь горкома Б.Н. Ельцин так и не оставили нам в наследство никакого решения.

Как говорил герой не помню какого рассказа, «это был не бардак, а пожар в бардаке» (извините за лексику, но цитирую точно по тексту). Мы издали распоряжение расселить всю эту «воронью слободку». То была муторная работа: подыскивали помещения, уговаривали, соблазняли. И вот когда наконец все расчистили и проект реставрации был почти готов — именно в этот момент вдруг возникла идея: а не перекрыть ли весь гигантский внутренний двор стеклянным потолком? Запросили охрану памятников — там вроде не возражали. Спросили инженеров, те говорят: сложно, но можно.

Дальше все пропускаю — как искали деньги, как строили, как спорили — и подхожу к тому моменту, когда все это осталось наконец позади.

Завтра открытие.

Мой рассказ начинается именно в этот момент.

Но почему? Нет, это вас спрашиваю: почему вандалов так возбуждают именно новые, свежие, девственные вещи? Ведь такое случается чуть ли не каждый день: где-то закончили ремонт фасада — тут же кто-то швырнул случайно неубранную банку с краской. Поставили новый памятник — сразу же начинается соревнование «кто больше отколет» (гранита, имею в виду). Открыли станцию метро — на другой день стеклянные двери побиты.

Мы обычно называем все эти случаи вандализмом, думая, что таким определением проясняем

проблему. На самом же деле в наших условиях так называемый вандализм представляет собой сложное психологическое явление, для борьбы с которым одними антивандальными мерами не обойтись. Тут нужна наука, психологи, кафедры, диссертации.

Основной постулат этой науки может, по-моему, заключаться в том, что вовсе не всякая вещь возбуждает вандала. Согласно моим наблюдениям, ему редко хочется добить уже поломанное, ликвидировать подчистую. Скульптура с оторванной рукой оставляет его равнодушным. Он не может смотреть спокойно как раз на новое, непопорченное. А это заставляет предполагать, что он рассматривает свою деятельность не столько как разрушение, сколько как творчество. Он, можно сказать, доводит действительность до кондиций. Лампочка в лифте не должна изначально отсутствовать — это воспринималось бы как непорядок. Она должна не гореть.

Второе качество вандализма — конечно же, анонимность. Все творится у вас под носом и в то же время никак не удастся поймать нарушителя. Но кто нарушитель-то? По лености ума мы все время грешим на подростков. Они действительно многое портят. Но наиболее опытные и наблюдательные психологи утверждают, что авторы бытовых вандалистских акций — нередко именно взрослые, которые производят такие действия «от настроения», как бы «в оттяжку», «не помня себя».

Впрочем, и эту гипотезу нельзя назвать исчерпывающей. Немалая часть вандалистских действий требует такой силы, ловкости, специального навыка, что сама собой возникает мысль о пришельцах.

В этом нет ничего удивительного: насколько знаю, чем-то похожим закончили и исследователи анекдотов. Не в силах разыскать авторов, они втайне (об этом не пишут) согласились с гипотезой, что анекдоты заносят из космоса.

Наконец, третье важнейшее качество бытового вандализма — бескорыстие. Если где-то стащили бортовой камень, чтобы свезти на дачу, это не вандализм, а хищение. Или, когда с подъездов свинчивают дверные ручки или в тех же лифтах заменяют хорошие лампочки на перегоревшие, это не хулиганство, а прагматизм. Истинный вандал бескорыстен. Он тратит энергию, время, иногда даже рискует жизнью ради чистого результата — испортить то, что своей новизной раздражает глаз. Это скорее требование определенного душевного соответствия. Ему надо привести внешнюю среду в соответствие с травмированной психикой или, как говорил профессор Преображенский, «разрухой в головах».

* * *

Я мог бы еще долго размышлять об особенностях русского вандализма, но боюсь уйти от сюжета нашей литературной игры, называемой «детектив-шоу». Ну как, знатоки, догадались, кто раздолбал стеклянную крышу в Гостином Дворе? Тогда проверяйте ответ. А выяснилось вот что.

Стоило ремонтным службам заменить побитые стекла на целые, как громадная стая ворон стала собираться на крышу. Действительно ли их, как и прочих вандалов, раздражала ее новизна — не знаю, фантазировать не хочу. Но только, обнаружив новинку, каркуши стали летать над стеклянной площадкой, делая в воздухе разнообразные

Ну как, знатоки, догадаетесь,
кто раздолбал стеклянную крышу
в Гостином Дворе?

фигуры высшего пилотажа, кричали, базарили, колобродили. Потом, отлетав свое, затихли.

А дальше стало происходить вот что.

Стая уселась по кругу, как на стадионе. В центре пустое пространство. На передних рядах молодые вороны. Так по крайней мере рассказывали очевидцы из службы охраны. Они наблюдали непосредственно с крыши. Мое дело — повторить их рассказ.

И вот одна старая... Ну, не ворона, конечно — гут мы попадаем в ловушки русского языка, который определяет всю эту популяцию в женском роде, словно мечту феминисток. На самом деле, свидетельствуют орнитологи, в плане сексуальной ориентации у них все в порядке.

Так вот, один старый... так скажем, «вороний петух» берет в клюв (или в лапы, бывало по-разному) довольно увесистый камень, взлетает с ним высоко-высоко, примеривается — и оттуда, как бомбу, бросает на новенькую, только что отремонтированную стеклянную крышу, целясь в центр стекольного квадрата. А это примерно метр на метр.

Бах! Снаряд попадает в металлическое перекрестье.

Ноль реакции. Публика недовольно молчит.

Затем вторая попытка. Камнеметатель снова берет бомбу. Вновь взлетает. Кидает и — бац! Камень попадает в центр стеклянного квадрата.

Стекло трескается, летят осколки. И тут весь стадион взрывается! Публика хлопает крыльями и кричит: «Гол!!!»

И так несколько раз.

Это было настоящее спортивное мероприятие. Охранники свидетельствовали: вороны возбуж-

дались лишь в том случае, если видели расколотое стекло. Они оценивали именно результат. И выражали спортивный азарт точно, как наши фанаты: истошно каркали, хлопали крыльями и подпрыгивали на своей вороний манер.

Разумеется, служба охраны не могла долго вести орнитологические наблюдения. Ворон разогнали. Но каждый раз, обнаружив, что все стекла целы, они вновь собирались в огромную стаю с намерением повторить спортивные мероприятия.

Мириться с этим мы, конечно, никак не могли.

* * *

Но прежде чем рассказать, как удалось отвадить крылатых вандалов, хотел бы сделать еще одно отступление. Скажите, уважаемые знатоки, если бы нечто подобное произошло не в престижном, а в самом обычном московском дворе, каких у нас тысячи, — стал бы кто-нибудь устранять последствия? По-моему, нет. Скажу больше: вообще не заметил бы, не обратил бы внимания на какие-то треснутые стекла.

Потому что сегодня помимо проблем вандализма мы сталкиваемся с другой, не менее важной проблемой — терпимости к вандализму. С таким отношением к жилому пространству за порогом квартиры, при котором подобных вещей просто «не видим».

Не видим ни поврежденных стен, ни отбитых углов, ни выбоин керамической плитки, ни искаленной лестницы, ни взломанных почтовых ящиков, ни изувеченного домофона, ни ободранной двери, ни вездесущих надписей, ни окурков, бутылочных осколков, целлофановых мятых пакетов... Надо ли продолжать?

Не замечаем той «порчи», что заполняет жилую среду, словно некий архитектурный декор, призванный «украшать» унылую бытовую застройку. Впрочем, не о красоте сейчас речь, а об отчужденности. О таком отношении к окружающему, когда все, что находится за дверью квартиры, — чужое, «ихнее», не свое.

Сейчас в безобразном состоянии придомовых территорий винят коммунальные службы. И правильно: их давно пора реформировать. Но для того, чтобы это проделать, одной чиновничьей власти мало. Нужна другая, встречная сторона — сам потребитель, который смог бы выступить хозяином и заказчиком. И тут вся загвоздка.

Мы много говорим о реформе ЖКХ. Московское правительство высказало свою позицию: нельзя сводить ее к 100%-ной оплате. Не только потому, что население, попросту говоря, «не потянет». А потому что такая (с позволения сказать) «реформа» вообще ничего не решит. За грехи плохо работающих организаций будут расплачиваться ни в чем не повинные люди.

Однако если город согласен и дальше дотировать коммунальную сферу, то в чем, спросите вы, суть реформы? Отвечаем: в создании конкурирующих служб и дотировании их через вас, потребителей. То есть деньги пойдут не коммунальщикам напрямую, а вначале жильцам на целевые счета. Чтобы вы сами платили тому, кто работает лучше, качественнее и надежнее.

Но для того, чтобы вся эта схема сработала, необходимо одно условие: изменить отношение человека к городу, преодолеть безразличие к тому, что его окружает. Ваше отношение. К вашему го-

роду. Вот такая цепочка, она же загогулина, она же, как говорил А.П. Чехов, запендя.

Утопия, скажете? А практически нет. В самых, казалось бы, безнадежных домах находятся инициативные люди. Мы предлагаем: давайте работать вместе. Сделаем ваш подъезд чистым и безопасным. Проведем ремонт с помощью города, организуем охрану, обустроим место дежурного — телефон, домофон, дистанционное открывание дверей — и поможем оплачивать.

Там, где это проделано, картина меняется радикально. Вдруг оказывается, что жители готовы принять участие в поддержании порядка. Укрепляются добрососедские связи, возникают различные формы самоорганизации. Люди готовы взять на себя контроль за расходом воды и энергии. А значит, мы можем отдать им муниципальные деньги (которые все равно тратим на этот дом), доверить распоряжение дотацией. Пусть сами заключают договора, поддерживая конкуренцию обслуживающих организаций.

Так шаг за шагом используется потенциал населения. А население у нас фантастическое — надо лишь чуть подтолкнуть инициативу, помочь расстаться с «совковой» идеей, что все дадут в готовом виде. Тогда человек, осознавший себя частным собственником, соединенным с соседями общей судьбой, начинает активно обустраивать окружающую среду, укреплять территориальные связи. Ну, а дальше — цепная реакция. Сосед видит, что рядом подъезд обустроен, и уже не хочет терпеть разруху в своем.

Развитие города не может осуществляться только усилиями, идущими сверху вниз. Необходима встречная сторона — сами москвичи,

видящие город не в глобальной, а в бытовой перспективе, от двора, от подъезда. Чтобы понятие «мой дом» не кончалось порогом квартиры. Чтобы подъезд, двор, улица — все стало «своим». А значит, возникло желание обустраивать придомовую территорию по собственному усмотрению — вмешиваться, контролировать, помогать.

И это, уверяю вас, не просто муниципальная проблема. Это начало гражданского общества, если уж на то пошло. Демократия, выборы, конечно, необходимы, но не они определяют реальный уход от тоталитаризма. Основная битва за новое общество начинается здесь.

* * *

— А что же вороны? — спросит нетерпеливый читатель. Ах да, вороны! Да все очень просто.

Поставили на крыше специальные излучатели, отпугивающие птиц, и те больше не возвращались...

МИСТИКА

Надо признаться, в России сейчас любят всякую мистику. Впрочем, оно и понятно: глядя на все происходящее, как не впасть в мистицизм?

Можно ли, например, в материалистических терминах объяснить внезапное появление миллиардных состояний буквально из ничего? Или без помощи дьявольских сил осуществить дематериализацию гигантского имущества одной из богатейших стран мира?

Нет, господа, глядя на подобные метаморфозы, если и можно усомниться в бытии Бога, то в Дьяволе никак нельзя. И все же, по-моему, все это хотя и ловкий, но обман, то есть дело не запредельных сил, а фокусников и аферистов. Не мистика, а техника.

Между тем бывают вещи действительно загадочные. Причем там, где быть им вроде бы совершенно не место, где решаются задачи сугубо земные и прагматичные. Да и начинается все, как правило, незаметно, буднично: однажды на пятый этаж здания московской мэрии на Тверской, 13...

1

Итак, однажды в конце девяносто второго года в мой кабинет вошла старушка с авоськой в руке. Вернее, то была не авоська, а полиэтиленовая

сумка с рекламой какого-то курорта и надписью «Пусть всегда будет солнце», под которой загорала коричневая девица на морском берегу.

В другое время и в другом месте никто не обратил бы на эту старушку внимания. Мало ли их блуждает с такими вот сумками по городским конторам, удивляя прочее население способностью к выживанию в экстремальных условиях. Но здесь, в приемной, она вызвала легкое замешательство. Во всяком случае, по озадаченной физиономии докладывавшего о ней секретаря я понял, что никто не знает, кто она такая и зачем пришла.

Полагаю, мы с нею действительно никогда бы не встретились, если бы не удивительная настойчивость, какую она проявила, отвергая все предложения побеседовать с другими работниками мэрии и требуя только меня. Каким-то образом вышла на одного из моих помощников, который, кстати сказать, нередко приводит в обход секретариата таких вот нестандартных посетителей. Однако и он в данном случае не мог сказать ничего внятного: «Какая-то мистика, но очень интересно» — вот и все, что удалось нацедить.

Итак, вошла сухонькая, небольшого роста, с приятным лицом. Таковую словом «старая» даже не назовешь. По осанке, движениям, интонации чувствовалось, что она была в свое время очень красивой. А должен заметить, раз уж о том зашла речь, что вовсе не всем красавицам полезно посвящать вторую половину жизни борьбе с признаками увядания. Многим идет стареть естественно, сохраняя обаяние, женственность, грацию. Они знают, что настоящий мужчина ценит женщину в любом возрасте, потому что любит само это чудо

иод названием «слабый пол»... Но тут прерываюсь, поскольку эта тема нас далеко уведет.

Весь облик старушки свидетельствовал, что она из небогатой, но интеллигентной семьи. Короткий опрос сразу прояснил ситуацию: вдова профессора, живет одна. Он был известным ученым. Жили душа в душу. Она посвящала ему всю себя и теперь оказалась в обычном для таких преданных жен положении: детей нет, смысла жизни тоже.

Она поставила полиэтиленовый пакет и стала вытаскивать из него увесистый газетный сверток. Ни этот пакет, ни мятые газеты не предвещали того, что увидел. На стол легла книга. Старая, в кожаном переплете, с желтыми неровными страницами. Кожа местами потрескалась. Тяжелые листы при переворачивании громко дышали, словно страдая одышкой. Не только рукописные строчки, но и слова, даже буквы на этих страницах жили свободно, собственной жизнью, сохраняя в то же время удивительную гармонию и лад. Несмотря на церковнославянский, я смог, к своему удивлению, без труда разбирать старинный текст.

Старушка пояснила, что это один из первых экземпляров Библии на Руси. Другой такой хранится в Румянцевской библиотеке. Книга принадлежала покойному мужу. Он был историком и берег эту Библию всю жизнь, пряча от пристального внимания партийцев. И так ею дорожил, что не продал бы никому ни за какие деньги.

Не помню, как долго я просидел, листая Библию. Хотя не знаток этого дела, но, должен признаться, почувствовал некую ауру. В общем понял, что моя гостыя принесла что-то действительно редкостное.

А она сидела и смотрела. Ее неторопливость, спокойная отрешенность задавали темп и тон разговора. Стараясь не разрушать этой атмосферы, мягко спросил:

— А чего бы вы хотели?

— Ничего, — отвечает. — Хочу подарить эту книгу вам.

Меньше всего я был готов к такому ответу. К нам в мэрию, конечно, стекаются разные подарки, для них даже создан специальный музей на третьем этаже. Но в данном случае речь шла о большой культурной ценности, которую надо хранить, экспонировать, кому-то показывать. Городской офис, согласитесь, не лучшее место для этого.

— Извините, — говорю, — не могу принять такого подарка. Это ведь, если не ошибаюсь, национальное достояние. Существуют специальные места: музеи, библиотеки... Если хотите, поможем на ваших условиях передать книгу туда.

— Вы не поняли, — возразила она. — Я ничего от вас не хочу. Просто сейчас передаю книгу. А потом, когда построят храм, отдадите ее Патриарху. Так сказал покойный муж.

— Не понимаю, почему бы вам самой не отдать книгу Патриарху, — говорю, не ухватив всей цепочки ее рассуждений.

— Потому что связана обещанием. Мой муж перед кончиной велел сделать именно так. Передать книгу тому, кто будет восстанавливать храм Христа Спасителя, чтобы тот — то есть вы — передал ее настоятелю. А настоятелем храма Христа Спасителя по положению всегда был Патриарх.

— Храм? Какой храм? Мы вовсе не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя!

—Мой муж сказал, что будете. А он в таких вещах никогда не ошибался.

Тут читателю придется напрячь воображение, чтобы представить себе мое удивление. Начался какой-то странный разговор. Она говорила с большой убежденностью, но что-то совершенно невнятное. Можно было понять только, что покойный был непростым человеком. Он обладал — не знаю, как это точнее сказать, — даром ясновидца. В общем, он что-то предсказывал несколько раз в жизни, и затем это сбывалось.

Так вот, перед смертью ему было не то видение, не то голос свыше. Подробностей она не знала. Знала одно: что это откровение относилось к храму Христа Спасителя. В том смысле, что он будет восстановлен. Причем в этом деле каким-то образом буду задействован я.

Так что, как ни отпирался, сколько ни уверял собеседницу, что у правительства Москвы на этот счет нет никаких планов, все было напрасно. Она так верила в провидческие способности мужа, что считала его предсмертное прозрение чем-то более достоверным, чем все, на чем мы строим свои планы и городские проекты.

Я стал осторожно заворачивать книгу и запихивать обратно в пакет.

—Не могу принять ваш подарок. Мы не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя. Вы ставите невыполнимое условие. Так что простите, у меня дела.

Старушка сидит спокойно, словно ее и не попросили только что из кабинета.

—Во-первых, я знаю, что будете. А во-вторых, обязана выполнить последнюю волю мужа.

... Я ничего от вас не хочу.
Просто сейчас передаю книгу.
А потом, когда построят храм,
отдадите её Патриарху.

Только тогда смогу считать, что сделала все, что должна была сделать на этой земле.

Начинается какая-то ненормальность, причем по второму кругу.

Я:

— Не хочу вас обманывать. Книга очень ценная, но вы пришли не по адресу. Не могу принять на свою совесть такое условие. Пожалуйста, заберите книгу — и закончим этот разговор.

Она:

— Хорошо, давайте так; я оставлю эту Библию, и вы ее обязательно передадите Патриарху, когда...

И так далее. Тот же самый разговор.

Я уже начинаю смотреть на нее другими глазами. Но, вглядываясь в умное лицо, слыша спокойную интонацию, убеждаюсь, что передо мной вполне разумный человек. А значит, эта настойчивость, эта твердость имеют какое-то иное основание, пусть непонятное, но требующее как минимум уважения.

Надо было искать другой выход из ситуации. В конце концов, куда она денется теперь с этой Библией?

— Единственное, что могу обещать, — говорю наконец, — что, когда закончу свое пребывание на посту мэра, передам книгу преемнику. А тот — своему. И так далее по цепочке. Может быть, когда-нибудь кто-то действительно восстановит храм. Тогда и передаст книгу настоятелю. И можно будет считать, что воля покойного выполнена. А пока не вижу другого выхода. Только так.

Наверное, ее не очень удовлетворил такой вариант. Но делать нечего. Она должна была выполнить поручение, и она это сделала.

— Могу пообещать, — говорю на прощание, — что книга в конце концов будет передана в храм и послужит людям. Но что это будет связано с храмом Христа Спасителя, обещать не могу.

— Меня устраивает, — спокойно сказала она.

— Но вы не будете потом себя укорять, что не исполнили завещание мужа?

— Меня это устраивает, потому что уверена, что поступаю правильно.

— Хорошо, — говорю, — оставьте свои координаты.

И она ушла. Долгое время о ней ничего не было слышно.

Лишь однажды увидел на каком-то юбилейном собрании и даже расстроился. Похоже, все развивалось именно так, как я себе представлял. Жила одна, постепенно теряя интерес к жизни. Здоровье стало ухудшаться. Она меньше следила за собой. В полном безразличии бесцельно проводила свои дни. И возможно, даже тяготилась, что Господь ее, как говорится, позабыл и до сих пор к себе не призывает.

А Библия хранилась в сейфе. Каждый раз, когда на прием приходили специалисты — ученые или музейные работники, — доставал и показывал. Все подтверждали, что держат в руках действительно бесценную вещь. Интересовались, правильно ли мы храним. Советовали подреставрировать книгу. Все это было аккуратно исполнено.

Но что касается героини рассказа, то сюжет, как говорится, завис.

Между тем городская жизнь шла своим ходом, и этот ее ход имел непосредственное отношение к нашей истории. Год за годом Москва усердно занималась центром города. Выполнялось много проектов, обсуждались даже самые неподъемные предложения. При этом очень часто, приближаясь к заколдованному месту, где раньше стоял храм, натыкались на гигантскую яму в центре — заброшенный бассейн, превратившийся в безобразную свалку. Стало ясно, что сделай хоть все в центре города, но оставь эту яму, Москва не вернет себе былой красоты и величия.

Я стал интересоваться историей возведения храма, его разрушения. Оказалось, с этим местом издавна было связано много событий и народных преданий. Касались они даже не названия Чертолье, которое народный язык увязывал с чертом, а прежде всего «стародевичьего» Алексеевского монастыря, который был выдворен отсюда в связи со строительством храма Христа Спасителя.

То была первая женская обитель, основанная еще в XIV веке, не раз перестраивавшаяся, горевшая, грабленная и татарами, и поляками, и французами, и наконец обосновавшаяся со всеми своими церквями, монашьями кельями, школой и кладбищем на берегу Москвы-реки возле Кремля. Такое положение делало монастырь весьма заметным в топографии православной Москвы. Ведь в тогдашнем городском укладе именно женские обители играли особую роль. Туда определяли одиноких девиц и старых дам, а то и просто неугодных или провинившихся жен. Находясь в самом центре, монастырь был весьма посещаемым

и мирянами. А если учесть, что в нем находилась чудотворная икона, что от него шла прямая дорога к Новодевичьему — по ней двигались праздничные процессии и крестные ходы, — то можно себе представить, насколько все это казалось привычным и незыблемым. То была важнейшая часть московского городского уклада, освященная веками, то есть традицией.

При богобоязненном государе Александре I монастырь никто не решился бы тронуть: когда выбирали место для нового храма, говорили о любых вариантах, но не о нем. Другое дело — брат его, Николай I. Как человек насквозь Петербургский он не выносил московского патриархального сантимента. Так что, когда придворный архитектор, решив, что властная вертикаль важнее местной традиции, предложил снести «стародевичий», царь без колебаний принял это решение. Многие считали, что зря.

Говорят, больше всего проблем было с игуменьей. По слухам, когда хмурым утром 17 октября 1837 года солдаты силой выдворяли ее из монастыря, она что-то такое произнесла во гневе, что окружающие содрогнулись. В народе еще долго ходили слухи о страшном проклятии: мол, все, что выстроят на этом месте, будет порушено. И настолько глубоко вошло это поверье, что, когда почти через сто лет, 5 декабря 1931 года, взорвали «мрачный притон самодержавия», в народе вновь возродился слух о проклятье игуменьи. Поговаривали о том, что оно стало сбываться.

Да и как тут было сомневаться-то? Храм взорвали, а Дворец Советов, ради которого это сделали, не построили.

А уж когда на месте храма появился открытый бассейн с голыми грешниками, для верующих это выглядело просто как адское видение.

Впрочем, бассейн вскоре тоже прикрыли. Так что к 1990-м годам на «нехорошем» месте, кроме развалин, не было вообще ничего.

3

Кто не видел проект Дворца Советов, советуя посмотреть. Вавилонская башня, возмущившая Бога, выглядела, вероятно, не столь вызывающе по отношению к небесам. Наверху, на здании должна была стоять 140-метровая статуя Ленина, уходя в облака. Именно так: расчеты показывают, что частая в нашем городе облачность должна была скрывать то, что было у вождя выше пояса, оставляя москвичам лишь нижнюю, идейно менее значимую часть.

Чтобы оценить грандиозность проекта, приведу еще один факт. Указующая рука Ленина с технической точки зрения представляла собой консоль гигантских размеров. Чтобы она не сломалась от перенапряжения, был создан специальный «институт руки», имевший директора, заместителя, штат научных сотрудников и секретные разработки.

У Андрея Платонова есть повесть о строителях нового общества — «Котлован». Там революционные массы роют гигантскую яму под будущее здание коммунизма. Причем ни на что больше, кроме котлована, у них сил не хватает. Повесть оказалась пророческой: советским зодчим так и

не удалось реализовать чудовищный замысел, который подавлял бы все в центре города. Правда, в отличие от платоновских героев они успели не только вырыть котлован. Они успели заложить в котлован фундамент.

Да, господа, под будущее здание был сделан гигантский монолит, покоившийся на большом количестве опор, достигающих до прочных известняковых пород.

Мы провели исследовательские работы. И обнаружили, что этот фундамент, рассчитанный на давление гигантского сооружения высотой более 300 метров, дошел до нас в хорошем состоянии. Арматура из танковой стали. Бетон лучших марок. Уникальная вещь.

И тут сердце строителей дрогнуло. Что-то шевельнулось в наших душах: «Слушай: фундамент есть!» А что такое фундамент? Не знаете? Значит, вы не строитель.

По чистой случайности этот фундамент имел одну особенность. Он был заложен гораздо ниже нулевой отметки разрушенного храма. То есть до основания нужно было еще дорасти строительными конструкциями.

И тут сама собой возникла идея: а что если на этом подхрамовом пространстве воскресить тот, прежний, разрушенный еще в прошлом веке Преображенский храм «стародевичьего» монастыря? Может быть, и заклятие утратит силу?

Сказано — сделано. Нарисовали эскизы. Провели расчеты. И со всеми этими материалами как-то вечером напросились к Патриарху. На аудиенцию.

Святейший рассматривал наброски очень внимательно. О чем только не спрашивал в

тот вечер. И о надежности фундамента, и о том, в какой степени достижимо воссоздание исторической правды. Сколько времени понадобится? Сколько средств надо затратить? Можно ли закупить тот же камень? Можно ли возродить те же фрески? Мы отвечали на все вопросы настолько подробно, насколько могли.

И тогда Святейший принял решение. 4 января 1995 года в Успенском соборе Московского Кремля был проведен молебен о воссоздании храма Христа Спасителя.

Затем на месте будущего храма состоялись крестный ход и закладка капсулы. Не в основание главного храма — до него надо было еще дорасти. А в основание того, прежнего, воскрешение которого должно было изменить наконец дух этого места.

4

А что же наша старушка? Оказывается, она видела эту процессию. Не знаю, по телевизору или как, но только жизнь ее в ту минуту совершенно преобразилась. Существование обрело новый смысл. Раз храм решили воссоздать, значит, появилась цель: убедиться, что завещанная Библия будет-таки передана действительно.

Просто поразительно, как все, что мы делаем, имеет второй, скрытый смысл. Трудно гадать, что имел в виду ее супруг, делая свое последнее распоряжение. Но оно оказалось спасительным для любимой жены. Безвременно ее покинув и тем самым лишив точки опоры, он нашел способ дать

ей другую опору, более прочную и вековечную.

Она стала каждый день приходить на стройку. Когда был открыт Нижний храм и в нем начались богослужения, не пропустила ни одного.

Там мы встретились однажды. Я был поражен преображением. Вместо больной и бессильной старушки увидел бодрую женщину. Вместо печали на лице играла улыбка. Изменились реакции. Она ожила. Возник стимул к существованию. Это было второе рождение. Чудо. Новая жизнь.

5

Финал нашей истории оказался достойным ее начала. 31 декабря 1999 года состоялось освящение храма Христа Спасителя. Собрались все — высшее руководство православной церкви, других конфессий, правительство, гости. По окончании церемонии присутствующих пригласили в трапезный зал скромно отметить выдающееся событие. Там после патриаршего приветствия слово предоставили мне.

И тогда я решил рассказать эту историю. Все, о чем вы сейчас прочли. Как пришла женщина, принесла Библию в полной уверенности, что это последнее, что она должна сделать на этой земле, как поведала о пророчестве, а я отказывался, как она выиграла наш спор, поскольку откровение, если оно истинно, вернее людских расчетов и предположений.

Одно опустил тогда в своем рассказе — что героиня жива и находится в храме. То есть вел разговор, как бы подразумевая, что ее уже нет.

И вот, когда все приготовились к церемонии передачи старинной Библии, по залу пошел разговор, шум... Выждав актерскую паузу, обращаюсь к Патриарху:

— Ваше Святейшество! Позвольте мне теперь пригласить сюда ту женщину, о которой только что рассказывал. Пусть она сама передаст эту книгу вам в руки.

Зал замер. Тишина воцарилась необычайная. Мой помощник подводит нашу знакомую. Отдаю Библию ей. Прошу сказать несколько слов.

Эффект был редкостный. Правда. Даже трудно было от столь представительной публики ожидать такой бурной реакции. Возгласы, аплодисменты. Ей не давали говорить. Все пребывали в каком-то... даже не возбуждении, а ошеломлении, экстазе, восторге.

— Ваше Святейшество, — сказала она наконец негромко, но очень торжественно, — сегодня я выполняю последнюю волю мужа. И счастлива, что после стольких лет ожидания могу наконец полностью осуществить его завет. Это великий день в моей жизни. Причем, Ваше Святейшество, должна сказать, что дожила до этого дня потому только, что увидела, как начал строиться храм. Мне стало интересно жить. И теперь, Ваше Святейшество, хочу попросить Вашего благословения: молиться и служить этому храму.

Она ходит туда до сих пор...

6

Если кому показалось, что в этой истории хоть что-то придумано, уверяю вас, ошибаетесь.

Старушка жива, Библия находится в алтарной части храма. Короче, все правда, можете не проверять.

А вот если создалось впечатление, что этот рассказ имеет отношение не только к самой героине — тут вы не ошиблись. С ним вообще как-то жалко расставаться. Его хочется припоминать и продумывать. Он вдохновляет и дает надежду. Он относится к тем любимым мною сюжетам, о которых сказано в библейской притче о блудном сыне: «Был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Ведь и мы сегодня всей страной попали в воронку похожего сюжета. Многие в мире готовы списать Россию и похоронить. Им кажется, с нами все ясно: народ вымирает, экономика загибается, страна разворовывается. Еще немного — и территорию можно будет отламывать по кускам.

Для спасения из этого омута нужны не только какие-то там инвестиции и прочие макроэкономические меры. Нужно еще знание, как выйти из губительной инерции, переломить смертоносную тенденцию, войти в состояние, когда храм восстанавливается, человек оживает, народ поднимается, и все начинается заново.

Как совершаются такие преобразования? Стандартного рецепта, к сожалению, нет. Храм могли не восстановить. Блудный сын мог не вернуться. Каждый раз спасительный поворот вовсе не гарантирован. Чтобы такое чудо свершилось, требуется не просто грамотная управленческая технология (хотя, и она очень важна), а вдохновение свыше. Не пиар, а порыв. Нужно, как в нашем рассказе, думать не о себе, а о том, что любишь, плюс напряжение воли и помощь небес.

Но когда это все наконец сойдется и перелом случится, Бог тем самым пошлет благословение народу земли — *«радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся»*. (Евангелие от Луки, 15;).

ТРУДЫ НАШИ ТЯЖКИЕ

АГРОИМПОТЕНЦИЯ

Исключали меня из комсомола целый год. Всем уже надоело. Друзья заключали пари, преподаватели не знали, как относиться к студенту, фотография которого красуется на «Доске отличников», а из ЦК партии идут звонки с требованием - исключить!

Кажется, единственным, кого все это не волновало, был я сам. Даже не вспоминал о случившемся. Другое не давало покоя в этой истории.

То было первое столкновение с советской властью, пошатнувшее наивные студенческие представления тех лет.

КОГДА ВАМ ДВАДЦАТЬ

Но — все по порядку. Был такой фильм «Мне двадцать лет». И жаль, что уже был, потому что это название лучше всего подошло бы к моему рассказу.

Вообразите: лето, степь, красота несусветная, и среди всего этого — мы, молодые, сильные, жизнерадостные. Это ведь только звучит скучно — «студенческий отряд» да «по комсомольской путевке». А на деле: ночь, тишь, луна, суслики всякие шмыгают из-под фар. Если, как утверждают мистики, человеческая жизнь оце-

нивается суммой райских минут, проведенных на грешной земле, то в число самых счастливых у меня попадут рабочие часы там, в бригаде, в степи, в восемнадцати километрах от целинного совхоза «Комсомольский».

Знаете, какая там луна в августе? Оторопь берет. Идешь по ночной тракторной колее мимо зарослей чалиги, такого низкорослого, побитого ветрами и холодом кустарника, и вдруг — пожар. Степь начинает полыхать. Огонь поднимается и вот-вот охватит то место, где ты идешь. Ужас этого безмолвно надвигающегося на тебя огня заставляет невольно ускорить шаги, хотя чувствуешь, что это не пожар. И вдруг из-за горизонта поднимается невиданная в наших местах огненная луна! «Ух ты, черт!» — в сердцах ругаешь собственный страх и останавливаешься, чтобы полюбоваться тем, как минуты назад черная и неприветливая целинная степь осветилась таинственным холодноватым светом и все проявилось по-новому, не как днем. Но вернемся к прозе жизни.

Формально должность моя называлась не комбайнер, а всего лишь помощник комбайнера. Но так уж случилось, что наставник наш вынужден был наблюдать за работой издалека. Жаль его было: пока ехал сюда, на уборочную, не выдержал железнодорожного безделья, затосковал, запил, как умеют пить лишь на Руси. То есть по-черному. И в соответствующем состоянии... Тут рассказы расходятся: в общем, не удержал равновесия, налетел на какую-то железяку, повредил позвоночник. Ходить не мог. Сидеть тоже. Дотащили его до хирурга, предложили остаться в больнице. Но наш заслуженный комбайнер, как истинно русский мужик, «пусть помру, — говорит, — но на поле».

И вот каждое утро мы с моим другом Борей Захаровым везли его «на работу», подсаживали бедного на высокий стог, водрузив сверху флаг, чтобы какая-нибудь шальная машина не схватила беднягу своими железными лапами и не отправила в большую копну, а то и куда подальше. И он, полулежа, знакомил нас с устройством прицепного комбайна, учил делать шплинты, чинить что сломается, за что в бригаде исправно начисляли ему зарплату, вполне, впрочем, заслуженную.

Знаете, друзья, что такое счастье? Вот это оно и есть — получить в полное распоряжение гигантскую, мощную, добрую машину. И очень умную, что бы ни говорили всякие трактористы.

Как мы там вкалывали! Любо-дорого было и поглядеть. Работали мощно, победно, на пафосе. Впервые в жизни я ощутил высшую сладость самозабвенного труда как смысла человеческого существования.

Не все были согласны с такой философией. Многих раздражал трудовой энтузиазм. Особенно выделялся один лодырь из местных, Васька Тиунов, только что освободившийся после отсидки. Он был то ли лентяй от природы, то ли косил под вора в законе (те, как известно, никогда не работают). Но только из всей студенческой приезжей команды сразу же выделил меня, вероятно, как полную себе противоположность. И буквально не давал прохода. Его раздражало все. И что вкалываю с утра до ночи, и что оправдываю авральный энтузиазм.

— Зря горбатишься, фраерок, — пророчил, глядя на меня, как рыбак на червяка. — Что соберете, все равно пропадет.

Самое жуткое, что он оказался прав.

ТЫ НАЧАЛЬНИК -Я ДУРАК

Теперь про саму историю — глупую, надо признать. Хотя по влиянию, может, и судьбоносную. Впервые в жизни увидел какую-то дурь властей, их некомпетентность и полное безразличие. Так что, когда через много лет решился стать руководителем, организатором производства, это было ответом на тот эпизод, о котором сейчас расскажу.

Однажды с утра объявляют: никому не расходиться, приезжает товарищ Мухитдинов.

— Ну и хрен с ним! — говорю. — Мне работать надо.

— Дурак ты, Лужок. Он тут знаешь кто? «Кандидат» (усек?) «в члены» (понял?) «политбюро». Это как местный хозяин, что ли.

Приехал хозяин на черной «Чайке». Очень странно смотрелся его сверкающий никелем лимузин среди наших вагончиков, замызганных тракторов и полевой кухни, представлявшей груду закопченных камней с грязным котлом посередине.

Народ собрался на встречу с высоким начальством. Народ — это пятьдесят два человека студентов, плюс механизаторы, плюс их жены. Довольно живописная компашка среди бескрайних полей.

Мухитдинов начал читать свою лекцию. Говорил о важности решения проблемы продовольственного обеспечения. Подчеркивал, что урожай — общенародный подвиг. Педалировал, что каждый должен приложить максимум усилий. И прочую хренотень.

Народ сидит, слушает. А надо сказать, накануне наши трактористы ездили в магазин за спиртным.

В автолавке-то ничего нет, кроме конфет «Золотой ключик». А магазин — это только так говорится, «ближайший», а на деле по прямой через степь сорок шесть километров. Теперь вот считайте. Трактор идет семь километров в час. Делим сорок шесть на семь, получаем семь часов в одну сторону, семь обратно. Вернулись на следующий день. Водки, конечно, не нашли, зато закупили «Тройной одеколон» в неимоверном количестве. Мне было противно даже смотреть, как они его пьют. Аромат соответствующий — благоухает на всю степь.

И вот, значит, Мухитдинов говорит о важности проблемы продовольственного обеспечения, народ слушает его речь, но в силу описанных обстоятельств интерес стал угасать. Впрочем, и сама речь была такой, что без всякого «тройного» заснуть можно.

Вдруг один из местных механизаторов его прервал. Все как бы проснулись. Народ там простой, многие из мест не столь отдаленных. Начальство, конечно, уважают, но и привычку прямого разговора тоже не вытравишь.

— Слышь, начальник, мы все это знаем, — сказал тракторист. — А ты вот что скажи: как бы это в другом нам помочь бы...

И начал рассказывать, что негде купить даже резиновых сапог...

Тут надо прерваться и сказать о самой проблеме. А она действительно была. Ни в бригаде, ни за десятки километров вокруг, ни в автолавке, которая приезжала к нам регулярно, не было вообще ничего, кроме выше упомянутых конфет «Золотой ключик», которые мы уже видеть не могли. И вот представьте: карманы у людей набиты

деньгами, потому что платили прилично. Работа круглосуточная, зверская. Мы проявляем чудеса героизма, а купить ничего не можем. Даже брюк хоть каких-нибудь захудалых взамен порвавшихся — и тех не достать.

— Да это ладно, проходим и так, — продолжает механизатор. — Бог с ними, с опорками. А вот жратвы бы надо ну хоть какой. А то жрем эти... субпродукты тухлые. Суп из кишок варят, воняет хуже дерьма. И хлеб, глянть-ко: собираем вон колос какой, а хаваем не пойми чего. Скрипит на зубах.

Мухитдинов в некотором раздражении его оборвал. Сказал, что товарищ не понимает значимости текущего момента, который определяет не тряпье, а цель — убрать урожай любой ценой.

Механизатор не отступает:

— Чо-о ты нас тут воспитываешь? Да уберем мы твой урожай, мать его. А ты реши нашу лапшу, и лады. Чо-о возникать-то!

Завязалась перепалка. Некоторые из присутствующих не могли сдержаться. Кое-кто из студентов тоже принял участие в обсуждении. Нетрудно догадаться, кто именно.

Я подключился к разговору откровенно на стороне механизатора. Сказал, что мы все тут воспитаны на уважении к старшим. Но нельзя так обрывать человека, если он говорит дело.

Товарищ Мухитдинов, как в замедленной съемке, стал поворачивать ко мне свою красную, как из парилки, физиономию. Когда наконец увидел, что с ним разговаривает двадцатилетний сопляк, неожиданно рассвирепел. Я даже не понял, в чем дело. Вроде как ничего не сказал. Но, вероятно, слышать от мальчишки замечания в адрес «кандидата в чле-

ны» — было нарушением не только субординации, а всех законов мироздания. Повернувшись наконец ко мне целиком, хозяин степи произнес голосом, не допускающим возражений:

— А вас, молодой человек, прошу покинуть собрание!

В воздухе повисла пауза. Вождь ждал.

Я тоже.

Строго говоря, «покидать» было нечего. Собрание проходило на открытом воздухе. Несколько лавок, обеденный стол, а дальше — как в русской народной песне, «степь да степь кругом». Так что куда идти, мне, например, было неизвестно. Так и сказал:

— А куда прикажете идти? Мне, например, неизвестно, где дверь.

Тут он покраснел до такой степени, какую я видел лишь в детстве, созерцая паровозную топку. Правда, та не брызжет слюной.

Фраза, которую он из себя выдавил, была достойна книги рекордов:

— Вообще уйдите в сторону!

Надо сказать, что в такие моменты я каменею. Как статуя Командора.

— В какую? — спрашиваю, не двигаясь.

Народ рассмеялся. Мухитдинов раскалился до кондиции доменной печи. Можно было плавить чугуны.

И тут совсем рядом послышалось чревовещание (ибо рта никто не раскрыл): «Юра! Уходи от беды!» Заклинание это исходило из внутренностей нашего комсомольского секретаря Саши Владиславлева (да, да, того самого Александра Павловича, известного теперь политолога, которого вы нередко можете видеть по телевизору, а тогда это

- А вас, молодой человек,
прошу покинуть собрание!
В здании собрана пчела.
Вонге нган.

был просто Саша, отличник, комсорг и ленинский стипендиат). На той площадке он был единственным, кто мог остудить мой пыл.

А дальше произошло неожиданное. Двинувшись, как было приказано, «в сторону», то есть прямо на товарища Мухитдинова, я, проходя мимо, на секунду задержался и под пристальными взглядами присутствующих запанибратски похлопал «кандидата в члены» по плечу, отчеканив громко, чтобы слышали все:

— Ну, ты, дорогой, далеко пойдешь. Если не остановят.

И ушел. Встреча высокого руководителя с народом была сорвана. Вождь сел в свой «членовоз» и отчалил.

Правда, уехал он не один, а прихватил с собой нашего бедного комсорга. И всю дорогу выговаривал ему то, что не успел сказать мне при личной встрече. Разговор, впрочем, сводился к одной незамысловатой идее: следует немедленно исключить «этого Лужкова» из комсомола! Сейчас же. Сегодня же. Но так как Саша эту мысль не развивал, то, повторив ее в сто первый раз, разобиженный партийный босс выбросил нашего комсорга на дорогу где-то перед совхозом «Комсомольский», так что тому пришлось возвращаться на своих двоих, а это километров восемь как минимум.

Увидели мы своего лидера только глубокой ночью. Как человек дисциплинированный, он тут же созвал собрание. Всех — усталых, заспанных — поднял на ноги, усадил вокруг стола, предложил высказываться под протокол. И тут, дорогие читатели, я снова хочу попросить вас вообразить всю сцену: луна, теплая августовская ночь, мелочь всякая шуршит в траве — и в этой

дивной декорации, больше подходящей для кино о любви, сидят юные, цветущие парни и девушки, слушая какое-то дурацкое предложение об исключении своего товарища из комсомола. А это по тем временам сами знаете что.

Кончилось тем, что каждый высказал примерно следующее: поведение Лужкова было неуважительным, но небезосновательным. Ждали, что скажет председатель. И здесь наш комсомольский босс показал высший класс бюрократической эквилибристики, озвучив наконец то, что не стал говорить оскорбленному «кандидату в члены»:

— К сожалению, товарищи, согласно уставу, временная комсомольская организация не обладает полномочиями исключать своего члена из рядов ВЛКСМ.

Я отделался общественным порицанием. По приезде в Москву имел, правда, некоторые осложнения. Но, думаю, гораздо большие сложности были у Саши. Товарищ Мухитдинов еще полтора года тербил институт звонками «сверху» и требовал от ректора и комсомольских боссов моего исключения, Но институт держался. Я был отличником, примерным студентом, награжденным, кстати сказать, за ту самую работу в поле почетным знаком ЦК ВЛКСМ! Как ни трудно было выдержать давление злопамятного кандидата — затащили, замотали, спустили на тормозах.

НАСЛЕДНИКИ МУХИТДИНОВА

А я не мог пережить. Но не эту историю (о ней-то, как было сказано, благополучно забыл). А что весь урожай, который мы собрали, «сгорел». В смысле сгнил. Прямо на току. Вначале, говорили, не было элеваторов, потом наступила распутица.

Короче, весь труд, весь результат беззаветной, сумасшедшей, вдохновенной работы пошел прахом. Прав оказался мой идейный враг Вася Тиунов. Зря мы там горбатились. И все из-за этого Мухитдинова! Вероятно, если б не видел в натуре его безразличие, так бы не возмущался. А тут просто не мог успокоиться: во гад! Ведь если бы он, паразит, думал не о себе, а о деле, не об идеологии, а о людях, не о цифрах, а о стране, ему ничего не стоило и урожай спасти!

Вы скажете: ну ладно, чего сейчас кипятиться-то, те времена уж прошли. Да нет, братцы, не прошли, к сожалению. Если смотреть по результатам реформаторских игр последних десятилетий, то никуда эти времена не делись. Те же традиции номенклатурного управления лежат в основе всех наших бед на селе. И какая крестьянину разница, что прежние Мухитдиновы говорили о коммунистических идеалах, а наследники их на либеральные ценности молятся. Стиль-то один, методика та же. Как те шли не от реальности, а от абстрактной идеи, так и эти. Такая же неспособность просчитать последствия принимаемых решений. Такое же восприятие действительности «из окна персонального автомобиля».

Взять для примера — да хоть эту... будь она трижды неладна, «паевизацию». Это почти то же самое, что знаменитая чубайсовская ваучеризация (во всяком случае, по своим последствиям стоит с ней в одном позорном ряду). Говоря конкретнее, это когда крестьянин получает не землю, а только бумажку, не участок, а «пай» — свидетельство о праве коллективно-долевой собственности на кусочек бывшей колхозной земли.

Посмотришь, как сделано, — все тот же мухитдиновский схематизм. Такая же убежденность, что нужно только следить за чистотой внедряемых принципов. А что на поверку право на землю у крестьянина есть, а земли нет, это в макроэкономическом масштабе высоколобой теории — мелочи жизни. Но ведь не зря говорят: бес скрывается в мелочах.

Конечно, есть сегодня примеры и успешных фермерских хозяйств, и эффективных крупных агрохолдингов. Но, по несчастью, это все больше исключения, а не правило. Примеры подвига и подвижничества, а не нормы. Потому как по большей части правит да пожирает все вокруг та же самая мухитдиновщина.

Вот, допустим даже, будущему фермеру все же удалось проявить чудеса настойчивости и протащить по изощренной бюрократической процедуре во всяких зачуханных конторах не только свое право собственности на землю, но и землю как таковую не на бумаге получить.

Ну да, а дальше-то что делать — работать? А как тут работать, если старая хозяйственная инфраструктура разрушена? Выделенный участок находится за тридевять земель, да до тех земель тьма верст непролазного бездорожья. Самый свежий трактор — девяностого года выпуска. Да и того не дозовешься. Солярка дорогая. Смотришь на свой участок, и руки опускаются, ибо представляет он собой пустующее неудобье, зарастающее березняком. Надо вкладывать деньги, чтобы все окультурить. А как это сделать, ежели нет ни доступных кредитов, ни системы реализации произведенной продукции, чтобы кредит отдавать. А вокруг мошकारа спекулянтов, братков да прочих

завистников, вовсе не считающих зазорным ни запойное безделье, ни воровство.

Реакцию мужика на эту ситуацию предсказать нетрудно (от «авось» до «пошло оно все»), а кое- кому только того и надо. Ведь противостоят ему не только «экономические условия», но еще и местные князьки, рейдеры да чиновники, которые зорко следят, чтобы ничто не ушло на сторону, не ушло далеко от их загребущих ручонок.

Для таких колорадских жучков что фермер, что крупный агрохолдинг-землевладелец — самая прямая угроза местечковым и корыстным интересам. А потому они вовсе не собираются предоставлять крестьянам и инвесторам гарантии долгосрочного пребывания и работы на земле. Им-то как раз гораздо выгоднее нынешняя система «бумажных землевладельцев», при которой те же крупные агропредприятия допускаются на землю не как собственники, а лишь как арендаторы (да еще краткосрочные, да еще без гарантий, что земля останется за ними через пять или десять лет).

Вот и получается, что нынешняя система поощряет не серьезных производителей, а временщиков, стремящихся только выдать деньгу, — таким без собственности даже проще и безопаснее. Не нужно вкладываться в землю, не надо беречь ее и заботиться, а надо лишь хищнически эксплуатировать, а там хоть трава не расти. Ничего в итоге и не растет.

ОПАСНЫЕ УРАВНЕНИЯ

Анализируя весь ход агрореформ 1990-х годов, приходишь к выводу, что ни прежние «кандидаты в члены», ни пришедшие им на смену управлен-

цы-рыночники, как бы поточнее сказать, не нуждались в существовании народа.

Соблазняя людей непроработанными идеями и непонятными ценностями, они так и не научились замечать переминающегося с ноги на ногу и ломающего перед ними шапку мужика. Отношение к мужику у либерал-реформаторов осталось точно таким же, как у коммунистических предшественников. Лес рубят — щепки летят. Перемелется — мука будет. А что мука эта будет не наша, а импортная, так ведь это в угаре всемирной глобальной торговли — так, суцая ерунда.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что вся вот эта ерундистика — порождение не только семидесятилетнего владычества советской власти и разгульных 1990-х годов.

Это еще и следствие более глубоких традиций российского реформаторства, о которых писал (наблюдая еще первую крестьянскую реформу) М.Е. Салтыков-Щедрин:

«Речь шла не об действительной участи людей, а о решении уравнений с одним или несколькими неизвестными. Но когда живые люди постепенно доводятся до состояния теней, то они делаются вполне равнодушны к тому, какие решаются об них уравнения. “Все равно, братцы, помирать!” — говорят люди и действительно начинают помирать, как будто и невесть какое мудрое дело делают...»

Я к чему это все говорю? А к тому, что сегодня, слава богу, принят национальный проект развития села. Впервые за долгое время отважились, наконец, на государственном и системном уровне заглянуть в «черную дыру Агропрома». У крестьян, у российской деревни появилась надежда, что

уйдем от пропасти, к которой с таким упорством до сих пор приближались.

Вот эта народная надежда — и есть суть дела. Вот ее-то ни в коем случае нельзя ни предать, ни обмануть. А то «урожай» снова сгорит, и Васька Тиунов снова окажется прав,

Потому как раз очень нужно изменить тот самый наш фирменный управленческий подход и в центр поставить не абстрактные макроэкономические заморочки, а реальные сельские беды. Увидеть наконец человека-крестьянина во плоти.

Рано или поздно нужно понять, что с товарищами Мухитдиновыми и их наследниками нам на одном гектаре делать нечего. Нельзя, чтобы они и им подобные, прикрываясь лозунгами о текущем моменте, вновь продолжали обдуривать крестьянина. Иначе снова случится так, что люди станут равнодушны к тому, «какие решаются об них уравнения».

Что бы ни думали наши практически мыслящие члены правительства, но ни нефть, ни газ, ни никель, ни алмазы, которые нынче в такой цене, не скрепляют великий исторический организм, именуемый Россией. Эти выкачанные из земли богатства никогда не обеспечат нам национальную солидарность, а нефтяная труба не способна стать общенародной магистралью.

Земля и труд на этой земле исстари формировали российский народ, создали национальный характер, натуру, культуру. Это фундамент нашей самобытности, хранитель национальных традиций, одна из глубинных основ национальной спайки.

Государственная стратегия на селе, создание сельской инфраструктуры, восстановление аграрного машиностроения, упорядочение соб-

ственности на землю — все это можно сделать так или иначе, если в обществе будет согласие по главному вопросу.

А главный вопрос такой. Если мы готовы похерить страну, которая называется Россия, и сделать какую-то другую, за которой будет иное духовное содержание, то пускай все идет как идет, давайте не замечать, что наша деревня на последнем издыхании. Если же нам нужны именно наша история, наша традиция, наш национальный дух, наше будущее, то должны понять наконец, что без российской деревни ничего не получится. Там, в сельских просторах, хранится российское сердце, там сберегается тайна русской души.

ЗАКОННИК

Знаете, как бывает: то не вспоминал о какой-то встрече ни разу, а то вдруг буквально не вылезает из головы. Так и это знакомство. И случайное, и давнее, а вот всплывает почти каждый день. В общем, поступим так. Вы, как говорится, устраивайтесь поудобнее. А после решим, в чем тут дело.

Итак, было это давно, в пору еще моего студенчества. Тогда, в середине пятидесятых, Нефтяной институт не считался, как нынче, престижным. Да и не затащил бы меня туда никто, если бы не отцовская история.

Дело в том, что отец до войны работал в Министерстве нефтяной промышленности. А после был изгнан. За что — детям не объясняли. Вслух об этом не говорилось. Но несправедливость висела в воздухе. История, впрочем, типичная: на фронте был ранен, попал в окружение, в плен. И хотя из плена бежал, вернулся на передовую и доблестно закончил войну в Югославии... «Хорошо еще, Миш, что не посадили», — шепнул кадровик. Отец с трудом устроился на нефтебазу диспетчером.

В общем, учусь в «керосинке». А тогда — методика, что ли, была такая — каждый год посылали студентов куда-нибудь на практику. Что в принципе правильно. Да и мне нравилось: не торчать же

все лето в Москве. А тут, представляете, Башкирия, новый город Салават, река Белая, красивые места. И среди этой красоты 18-й нефтекомбинат. Туда нас всех и направили, каждому дали по теме и койке в общежитии, трудись — не хочу.

А должен сказать, учиться мне было всегда легко. Нормально схватывал. Да и интересно как-то. В общем, отпрактиковался быстро. Накатал курсовую, дел больше нет. Уехать нельзя, время на практику для всех одинаково: кто управился, сам виноват,

И вот, значит, болтаюсь по комбинату, и за этим бездарным занятием встречает меня руководитель. Дианыч звали. Не по отцу, а так. Отчество у него было как раз Дмитрич, Дианов — это фамилия. Казалось бы, какая разница. А без клички нельзя: будто вообще не студент, а неуч какой-то.

Этот Дианыч был, кстати, ненамного старше нас. Но мы его уважали. Потому что знал больше, да и делал все как-то спокойно, обстоятельно. В общем, видит, что я дурью маюсь, останавливает и говорит:

— Юр, хочешь заработать?

— Кто ж не хочет? — отвечаю вопросом на вопрос.

Считалось солиднее.

— А то смотрю: парень вроде здоровый, а одет не очень. Давай на работу устрою.

— Лады, — говорю.

— Найди еще четверых к понедельнику.

Тут надо пояснить насчет «одет не очень». Это была правда. Одежда моя — как вам ее описать? Штаны из дерюги под названием «чертова кожа». Брюками назвать нельзя, поскольку формы вообще никакой, но крепкие. На ногах кеды китайские, как раз тогда появились. Так-то удобные, только

рвались быстро. И еще мамаша сшила рубашку в широкую полосу синего, нет, скорее серого цвета. Как-то не очень удачно у нее получилось. Вот и весь гардероб.

А другого ничего не было. Да и быть не могло: в середине пятидесятых семья жила очень трудно. Про отца уже знаете. Мамаша — просто рабочий класс, машинистом на мыловарке работала. А тут три парня, вечно голодных, да еще бабушка, мать отца. Да и сестрам отца надо помогать. Изобилия, скажем прямо, не было.

Но мы не унывали. Ходили кто в чем, никто не обращал на это внимания. И вообще, надо сказать, настроение у народа было лучше, чем сейчас. Как-то нормально все воспринималось. Наслаждались жизнью, общением, спортом. А деньги... Ну что деньги? Конечно, разных приятных развлечений, доступных уже в то время, мы были лишены. Но ведь и не трепались о них с утра до ночи по телевизору. Нет и нет. И так хорошо.

В общем, Дианыч сделал предложение, от которого не было никакого резона отказываться.

— А что делать-то? — спрашиваю.

— Скажут. Там установку монтируют искусственного жидкого топлива. Ну и цех КИП, расходомерный блок. План заваливают. Вот и ищут вольнонаемных.

На это последнее слово я, кстати, зря не обратил внимания. Казалось, раз сам человек вольный, в смысле — шатаюсь где хочу, то естественно быть и вольнонаемным. Работа достойная. Шутка сказать — КИП. Это вам, наверное, ничего не говорит. А для меня контрольно-измерительные приборы, можно сказать, специальность. Ну ладно, не буду голову забивать. Раз не знаете, что такое

КИП, то чего с вами время терять. Не обижайтесь, не хотел вас обидеть. Просто все равно не поймете, что мне так нравилось. А может, просто настроение было такое.

В общем, сагитировал еще четверых. Дианыч познакомил нас с молодым парнем, каким-то чернявым. Бывают такие «быстрозагораемые» лица. Очень угрюмый с виду человек.

— Дам вам корочки, — сказал Угрюмый, — будете ходить. Первый раз машина приедет, потом добирайтесь сами. Работа, правда, грязноватая, Штробы для труб пробивать.

Хорошо, думаю, как же без штроб? По ним пойдут трубы к насосам для тарировки расходомеров. Все это казалось намного важнее, чем замечание насчет «грязноватой работы». Его я вообще пропустил мимо ушей. Да если бы не пропустил — что толку? Штаны-то одни.

И вот, как положено, накатали какие-то заявления, снялись на фотки, и утречком приходит за нами машина. Залезаем в кузов. Подвозят к проходной. Иду как старший первым. Открывается дверь. Пускают меня одного. Дверь хлопает, лязгает замок. А другая дверь, внутрь, закрыта. Жду, а она не открывается. Стою в этом тесном пространстве, Неприятное, надо сказать, ощущение.

Охранник из-за окошечка осматривает пространство: не проник ли кто еще. Потом сравнивает физию с фоткой. Все это медленно, не спеша. Тоже давит на психику, между прочим. Наконец лязгает засов внутренней двери. И я оказываюсь — где бы вы думали? Конечно, уже догадались. В зоне!

Вы спросите: удивился ли? Абсолютно нет. Честно сказать, даже обрадовался. В наше время

молодому человеку, особенно в те годы, хотелось все самому увидеть, везде побывать, со всем познакомиться. А тут такая удача. Вот так задаром — столько говорилось об этих зонах — и вдруг!

Следом тем же манером пропустили остальных. Проинструктировали: мол, не проносить, не общаться и прочее. Угрюмый повел нас к месту работы. Дал кувалды. Показал, где штробить.

Работа оказалась довольно тяжелой. Вернее, не сама долбежка, а, как бы сказать, экология. Долбить целый день еще ничего. Я, кстати, довольно сильным был. А вот само помещение, пыль, жарыща неимоверная. Мои товарищи через два дня все слиняли. А я продолжал работать.

Заклученных привозили утром и увозили вечером, лагерь был где-то неподалеку. Но работали вместе. И кстати, такая деталь: поскольку как раз тогда у меня начинались проблемы с шевелюрой, то на лето остригся наголо. Под нулевку. А так как одет был уже знаете как, то практически не очень от них отличался.

Контакты обозначились сразу, без всяких там инкубационных периодов. Подходит один: «Чаю купишь две пачки?» И в кулаке что-то протягивает. Начинать с отказа не хотелось, но денег брать не стал. Будет чай, говорю, тогда и отдашь.

Следом другой сует уже по нахалке:

— Гари два пузыря!

Приличные, кстати сказать, деньги. Откуда они их только брали.

— Нет, — говорю.

— Ты что, чугря! Замочим же.

— Что, вот так просто?

— А чо! Раствор в аккурат подают. Зажмурим, найда не найдет.

— Тогда и чаю не будет.

Последний довод показался логичным, и я остался жив. Впрочем, чай и курево приносил исправно. Заодно посмотрел, как они чифирят. Это жуткое дело: пачка на кружку. Крутым кипятком заливают, маленько потерпят и эту иссиня-черно-коричневую жидкость заглатывают. Потом доливают, накрывают миской, на ней телогрейка — и когда та, первая, дурь проходит, добавляют еще. Какое нужно иметь здоровье, как вообще работает сердце в таком режиме, понять невозможно.

Они и мне предлагали, но я оставался зрителем. Хотя, надо сказать, отношения установились нормальные. Трудились-то ведь со мной обычные работяги, а не те, кого мы на воле называли рецидивистами.

Тех, блатных, я, кстати, почти не встречал, хотя их тоже возили вместе со всеми «на биржу». Не знаю, чем они занимались. Может, в карты где резались, может, еще что. Но не «рабосили», потому что трудиться для них «западло», и начальство с этим мирилось. А «пахали» со мной одни «мужики» — те, кто попадал сюда, как бы сказать, чисто по-русски. С кем-то подрался, что-то украл. Картошечку колхозную накопал, с завода детальку вынес. Вот и мотает свой срок, ожидая, когда вернется к нормальной жизни. А для блатных жизнь в «закрытке» — дело другое, привычное. Ну, сел. Ну, выпустили. Ну, опять сел. Нормально. Все это их жизненный цикл. Некоторые так приживались — на волю идти не хотели. Но я отвлекся.

Короче, дело было так. В один из дней, работая в том помещении, где должны были монтироваться

уже сами расходомерные баки и измерительные приборы, я решил на обед не ходить. Жара разморила. Дай, думаю, лучше вздремну.

А в этом помещении (чуть не забыл вам сказать), еще накануне обнаружился один старикашка. В углу примостился. Лежачок там появился, хоть из необрезных досок, но ровенький. Даже под голову — я еще удивился — такая, знаете, наклонная плоскость сделана. Рядом ящик, банка с чаем, пара телогреек. Ну и этот пришел и улегся. А мне-то что, лежит и лежит, есть не просит.

И вот представляете: дело к обеду. Какая-то то ли истома напала, то ли просто реакция после бессонной ночи. Группа-то, не забывайте, студенческая. Ночами находились занятия поинтереснее, чем сон.

Итак, разморенный жарой и этим приятным осадком во всем теле, я улегся прямо на бетонном полу. И уснул. Солнце жарит, пол даже немножечко холодит. Хорошо...

Проснулся от страшной боли в боку.

Никак не пойму в чем дело.

Смотрю: рядом сапог.

Поднимаю глаза: надо мной лейтенантик стоит, которого здесь раньше не видел.

Это он меня забомбил сапогом в бок.

Поднимаюсь — все как в замедленной съемке. И неожиданно для него хватаю буквально за бока, поднимаю на воздух и швыряю на пол. Мой, кетати, любимый прием. У других сил не хватало, а у меня красиво получалось. Все же не забывайте: первый разряд по гимнастике. Тренер говорил, хорошая реакция.

Тот с пола: «Стреляй, стреляй!» — охраннику. А этот, стрёма, сзади стоит и не шелохнется. Толь-

ко затвор передернул. Я уж думал его заломать, но хорошо — удержался. Потому что он стрелять не стал. Видно, местный был, признал меня, что не зэк, а «вольняга».

Но и лейтенант уже тоже почувствовал, что получил не такую реакцию, как обычно имеют вертухаи от заключенных.

— Кто такой ?! — кричит.

— А тебе что (дальше непечатно).

— Кто такой, ща пристрелю на..!

— У меня перерыв. Имею право.

Испуг, стыд, недоумение — не знаю уж, чего в его крике было больше. Как псих базарил: мол, дисциплину им разлагаю, устроил тут санаторий. Мне ничего не оставалось, как после каждой фразы его посылать. И он, грозя уволить, ушел. Больше, кстати, его не видел. Испортил настроение, гнида. Бок болит. Сон прошел. Возбуждение не остыло. Уселся на уступ для расходемерного бака. И тут ко мне подсаживается этот дед:

— Думал, кобздец тебе. Рогатый еще фраерок. Могли грохнуть в натуре.

— Отстань, дед, — говорю. — Ты еще будешь мне... Так просто не получилось бы.

Хотя врал, конечно. Все могло кончиться просто трагически. Порядки в зоне были те еще. Пришили бы за милу душу, а потом оформили бы как случай на производстве. И все: напрасно мамаша ждет сына домой.

— Во духарик! — не унимался дед. — А вроде не вольтанутый. Чо понтуешься-то, в пузырь лезешь?

— Уйди, дед, — говорю. — Без тебя тошно. Собралось тут какое-то... бакланье, еще учит.

— Это ты со мной так?

— А что, нет, что ли? Никто им отпора не дает. Вот и позволяют себе. Нет здесь настоящих, как их называют, законников, авторитетов, паханов. Одни мелочевочки.

Дед молчит — спешить ему некуда. Вообще там паузы приняты.

— А ты, пацан, не заметил, что летеха-то подгрел к тебе, а не ко мне? Ты на полу прикемарил, а у меня затончик-то постоянный, с кичарочкой. И он zenки лупал, а не подрулил, не пнул ножкой литерок малохольный.

— Да он на тебя, наверное, рукой махнул.

— Не, пацан. Он боится. И ты тоже, будешь понтить, большой мандраж словишь. Мне ведь торпедке свистнуть только — по рогам надает как нечего делать.

Я уже готов был ответить, но как-то осекся. Вдруг показалось, что сегодняшние злоключения могут на этом не кончиться. Дед был и впрямь какой-то своеобразный. Так посмотришь — кожа да кости. Худой, как велосипед. Лицо морщинами изрезано. Сморщенное яблоко. Коричневое, но это не загар. На вид лет семьдесят. И что особенно запомнилось: на этом вроде бы старческом, перерезанном морщинами лице — глаза не старца. Пронзительный, сухой взгляд.

В общем, решил лучше не связываться, и чтобы перевести разговор, спрашиваю:

— Дед, а сколько тебе лет?

— Чужие года не считай, своих не дочтешь.

— Не, ну скажи. Вижу, ты тут король. Законник.

— Скоко дашь.

— Ну... семьдесят.

... Думаешь, на воле живёшь?
А протри шифты, кудравый.

— Обижает. Сорок семь.

— Надо же. Хорошо сохранился.

— Дошутишься.

Помолчали.

— А сидка, небось, не первая?

— Семнадцатая.

— Что? Тебя в сорок семь лет семнадцать раз сажали? И сколько же насидел?

— Двадцать один.

— Во стаж! Погоди, значит, сорок семь минус двадцать один... И, допустим, с шестнадцати... Так ты за всю жизнь на воле всего десять лет, что ль?

— Зато это мое время. У тебя такого времени никогда не было.

— Да мне и не надо.

— Не было и не будет. Потому как я себе хозяин. Не ишачу, на падлу кишки не рву. Этой грабкой, — он посмотрел на свою ладонь, — за всю жизнь тяжелше вафли груза не подымал. А ты раб позорный.

Тут я не сдержался:

— Дед, ты меня извини. О чем ты говоришь? Это вообще не место для жизни человека. Здесь все не так. Здесь вы народ подневольный. Постоянно в страхе перед начальством лагерным.

— Ну, запел. Да я рядом с тобой — вольная птица! Летаю по своему закону. Хоть в клетке, а положняком живу. Не пресмыкаюсь, как вы. Думаешь, на воле живешь? А протри шнифты, кудрявый. Повязан, как петух обхезанный. Сейчас учебой, потом горбатиться будешь. Бабец захомутае. Грызуны пойдут. Зачухаешься, у начальства чесать за ушами начнешь. Да это хуже кичмана.

Тут я хочу попросить у читателя извинения, потому что попытка прямого цитирования приведет к казусам, мне не заметным, зато очевидным тем, кто умеет «на фене ботать». Речь у него была смачная, увесистая и, что особенно удивило, совсем без матерных слов. Я, конечно, понимал блатнячок: как-никак в родном дворе многие прошли через зону. Взрослые, а потом и дети исчезали и возвращались, обогащая дворовый язык. Но то были отдельные слова, а не умение думать на жаргоне. Этого недостаточно, чтобы передавать воровскую речь впрямую. К тому же мы с «дедом» разговаривали не раз и не два, так что по прошествии времени в памяти осталась лишь общая схема.

Основной тезис сводился к тому, что общество, в котором мы живем, напрочь неправильное. Оно делает из людей крепостных, повязывает законами, специально придуманными для порабощения. И есть каста избранных, как бы рыцарский орден. Это люди «с правильными понятиями». Они не согласны с законами нашего общества, не признают власть, не работают, обычно не женятся и во всех случаях ставят честь выше жизни.

— Вот вы нас давите. И еще фуфло гоните, что у вас закон, а мы воры. Да, мы воры. Потому что ваш закон отрицаем! Теперь шевели мозгой: что ваша давиловка? Мусоров наслать, в кичман упечь. Это что, позор? Нет, честь для вора. Опустить масть не можете. А вор — дело фартовое. Тут не бабки важны, философия.

Он так и сказал «философия», это я точно помню. Он говорил, что в лагере жизнь хоть и жестокая, но «без темнухи»: тут никто никому «дуру не гонит» по поводу равных прав. На воле же (у нас то есть) во власти такие кидалы, каких

в зоне не сыщешь. По закону для всех равные права, а в натуре — для одной номенклатуры. По закону люди хозяева, по жизни — рабы.

— Все у тя, пацан, в бестолковке перевернуто. Беспредел-то не здесь, а там (он показал наверх). Ты бы позенькал, какой рог партийный в обкоме сидит. Ему место у параша, а он, если на кого зуб заимел, звонит куда надо — и вышка!

Вот почему воры не идут ни на какой стговор с властями, не участвуют в социальной жизни, не признают государственной и партийной машины. Они держат свое сообщество, отгораживаясь правилами и запретами, жаргоном и ритуалами. Они существуют как бы в параллельном мире, в другой системе координат, со своим кодексом чести и «правильными» понятиями.

— Ни хрена себе «правильность»! — говорю. — Человек, может, рубль заработал, а ты у него украл.

— «У кого есть — прибавится, у кого нет — отнимется». Знаешь, откуда это? Библию надо читать. Бог устроил мир не по вашим законам, а «по понятиям».

Все это я слушал, как ахинею. Но эта ахинея натыкалась на одно обстоятельство. Передо мной сидел явно живой, разумный человек, умом намного превосходивший многих из тех, кто на воле указывал путь в жизни.

Одного я не мог понять: ради чего все его утраты и риски? Ну, выйдет отсюда, насшибает рублей по карманам. А дальше что?

— Дальше, — говорил он, — дерну в Уфу, там больничка, в больничке — сестричка, у сестрички — ампулка, в ампулке — ширево. Беляшка. И все! И свободен!

— Свободен? И все?

Между тем после стычки с лейтенантом положение мое на зоне явно переменялось. Блатные не приставали, мужики как-то зауважали. Угрюмый стал поручать более сложные дела. Поставил даже руководить работой заключенных. И те, как ни странно, слушались, хотя и посмеивались, что работаю, «как дурдизель», без перекуров.

Так что, когда подошел срок прощаться, оказалось, что со многими вроде «закентовался». Даже дед как-то по-своему пытался продемонстрировать расположение, что-то ласковое на прощанье сказать:

— Ты за мышцами-то не гонись. Во бычара какой, все выпирает. А вколи тебе внутривенный — сразу сдохнешь. Только мышечный можно. В этих мускулах смысла нет.

— Дед, ты брось эти речи. Мне ни тот, ни другой не нужен.

— Да я так, просто. Говорю, ты со своим здоровьем никуда не годишься.

Запомнилось, однако, другое напутствие, сказанное однажды как бы без повода и невзначай: «Ты упертый. Буром прешь. Это ништяк, ежели не прогнешься. А продавливать будут. Не давят знаешь что? Подушку, на ней отлеживаются. А тебя ломать надо, выбрать и глушить. Такие нужны для показа».

Сорок пять лет прошло с той летней встречи в башкирском городе Салавате на строительстве 18-го нефтекомбината, цеха контрольно-измерительных приборов.

Впервые за долгие годы я вспомнил об этой встрече в период предвыборных баталий, когда услышал реплику кремлевского чиновника: «Не держит удар». Вдруг показалось, что снова в зоне.

Реплика относилась к тому обстоятельству, что в ответ на чудовищную клевету, грязным потоком лившуюся с экрана телевизора, подал иск в суд. То есть предложил разобрать обвинения открытым, законным способом. И тут оказалось, что сама идея обращения в суд, по понятиям окружавшей в то время трон команды, — уже поражение. Она означает (о чем просигналил кремлевский чиновник), что ты «не авторитет».

Я специально задерживаюсь на этом обстоятельстве, потому что все поражения того периода происходили как раз потому, что не сразу понял приклатненную логику оппонентов. Если бы рядом был тот дед из зоны, он легко объяснил бы расклад. Мы действовали по правилам правового общества, противник — по логике «понятий». А это несводимые вещи.

Вся технология работы противников строилась по моделям уголовного мира. Техника оскорблений не предполагает доказательств. Я выиграл все иски в суде. Но, для того чтобы это имело значение, нужно еще кое-что: построить правовое цивилизованное общество. А это, как выражался дед, «голый вассер».

На нас напускали телеторпеду с единственной целью — унuzить, перевести в нижнюю масть. Он шестерил, как типичный сывка, какого грозил наслать на меня дед. Его задача была не в том, чтобы сказать хоть что-либо похожее на правду, а «опомoить», «опарафинить», «зачушить». Это был телевизионный аналог позорных блатных ритуалов, эстетика уголовщины. И тот факт, что такое происходило на Первом, главном канале, превращало всю затею в воплощенную утопию.

Когда-то воровское сообщество держалось на противостоянии государству. Однако после краха социализма преобразилось и все, что тому государству противостояло. Блатная культура, выпестованная в зоне, была затребована именно властью. Свято место оказалось пусто. Но такова уж, видимо, природа этого места, что выросшая на нем новая система оказалась больше похожей не на чуждую западную, как надеялись демократы, а на свою, родную, обкомовско-воровскую.

Война против нас была, таким образом, не просто борьбой за трон или судьбу незаконно присвоенной собственности. На деле спор шел о том, в каком государстве мы будем жить. Это была война новых законников за блатную утопию. Мечта устроить власть «по понятиям». Сделать зону образцом общественного устройства.

К счастью, наши оппоненты промахнулись. Что ж, как было наколото у того деда:

«БОГ НЕ ФРАЕР, ОН ПРОСТИТ»

А впрочем, кто возьмется решать за Бога? Может, и не простит.

РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ ПАРКИНСОНА

*Лекция, прочитанная студентам
Международного университета
в 1999 году*

Дорогие друзья! Тема моей лекции несколько необычна. Сейчас всюду принято говорить о кризисе, межпартийной борьбе, будущих выборах. Мы же будем говорить о «законах Паркинсона». Прошу не путать с «болезнью Паркинсона» — это совершенно другой Паркинсон.

Что же заставляет именно сейчас, в наше, как говорится, смутное время, обращаться к этой теме? Да все то же, о чем я дал себе слово не упоминать: кризис, неудачи реформ и прочие актуальные неприятности. А точнее, поиски причин того невыносимого факта, что уже более десяти лет идет в России процесс преобразований, и чем дальше, тем, как в сказке, страшнее.

Ну, во-первых, мы явно недооценивали, сколь глубока, а главное, широка (имею в виду любителей перепрыгивать) пропасть между системами.

Во-вторых, субъективные факторы: нам явно не повезло с архитекторами преобразований и прорабами реформ. О них в другой раз.

Но есть третья причина, все чаще обсуждаемая в последнее время. А так ли уж верно пред-

ставляли себе наши «прорабы» и «капитаны», куда именно плыть и что строить? Согласитесь: после августовского обвала несколько размылся образ цели. То, что казалось столь безусловным реформаторам первого призыва, уже не кажется таковым.

История недавних финансовых кризисов поставила жирный крест на многих дискуссиях. Она доказала, так сказать экспериментально, что нет единого шаблона «нормальной экономики». Нет универсального рецепта, пригодного для всех стран. Одни и те же принципы и программы приводят к совершенно разным результатам в Японии, Германии, Корее, Индонезии и Латинской Америке.

Что уж говорить о России! Тут вообще все разводят руками. Наши brave радикал-реформаторы исходили из постулата, что «не надо ничего придумывать», что «дважды два четыре и здесь, и в Париже», как любил повторять один юный премьер. С бесшабашной настойчивостью эти ретивые молодые люди копировали один к одному все, что чуждо местной хозяйственной традиции, исторически сложившимся навыкам экономического мышления и поведения... И вот результат.

Они так и не сумели ответить на один упрямый вопрос. Если всюду одни и те же законы, то что же тогда управляет той «порчей», которая перекраивает до неузнаваемости благие намерения реформаторов? Чья, так сказать, «злая воля» расстраивает все их программы и планы?

Вместо того чтобы признать простую истину, что неудачи реформ есть закономерный результат небрежного отношения к российским реалиям, стали винить страну и ее народ. Дошло

до утверждений, что «эта неправильная страна» не имеет права на существование, только вредит миру, что ее удел — быть «черной дырой», превратиться в «мировой отстойник», из которого, по мнению одного из недавних приватизаторов, вынуждены будут уехать все мыслящие люди...

И ведь что странно. Весь мир сегодня стремится к плюрализму. Хваленая западная политкорректность уравнивает белых, черных, голубых, неразвитых и неполноценных. Уже нет в современном словаре даже такого понятия, как «примитивные народы». Любой абориген наделяется правом жить в своем достоинстве, согласно собственным представлениям. Только русские осуждаются как «неправильные», только россияне не имеют права строить жизнь по собственной мерке.

Между тем пора бы спросить: а так ли уж универсальны предлагаемые нам общезначимые эталоны? Разве не показал Макс Вебер в своей «Протестантской этике», сколь жестко был обусловлен европейский капитализм определенным типом ментальности? Разве в самом устройстве навязываемых нам универсальных эталонов не зашифрована вся история, этика и традиции гражданского общества западного типа?

А если так, то пора бы и нам наконец проделать соответствующую работу и попытаться понять, как влияет, как воздействует «загадочный русский характер» (по-нынешнему менталитет) на экономическое поведение, деловые и трудовые навыки россиян. Без этой аналитической работы мы не сможем решить главную задачу — построение российского варианта высокопродуктивного, процветающего общества.

Что же это за менталитет такой, как заставить его служить процветанию России? Как осмыслить фундаментальные особенности деловой и трудовой этики россиян?

Попыток таких было множество, мы тут вовсе не первооткрыватели. Почти каждый отечественный мыслитель, не говоря уже об иностранцах, пытался дать свое описание. Упражняться в этом — и сейчас излюбленное занятие россиян, причем не только за письменным столом, но и за обеденным. Думаю, что и каждый из вас имеет в запасе парочку остроумных наблюдений и с удовольствием поделился бы ими с аудиторией.

Так что не будем претендовать на лавры Чаадаева и Кюстина. Тем более Тютчева с его знаменитым *«умом Россию не понять...»*. Это, конечно, лучшая строчка. Впрочем, в наше время тут же вспоминается другая: *«Давно пора, ...три точки... мать, умом Россию понимать»*. Это Губерман. Конечно, большой грубиян использует свободу слова далеко не бесспорным образом. Но сама мысль правильная. По крайней мере для нас. Кто берется за реформирование российской социально-экономической системы, обязательно должен понимать умом! Познавать именно нашу, российскую ментальность (извините за словосочетание, но нет русского эквивалента), а не выдуманного человека, как делали неолибералы, представляя себе вместо реального россиянина какую-то абстрактную, скроенную по западному образцу, модель.

Поскольку я приглашаю вас участвовать в этой работе, то хочу сразу сказать: речь не идет об особенностях русских как нации. То, что нас интересует, не имеет отношения ни к русофобии,

ни к русофильству. Те деловые и трудовые навыки, которые будут предметом нашего внимания, в равной мере проявляют в России и евреи, и чеченцы, и немцы. И наоборот, приезжая на Запад, именно русские часто выказывают способность встраиваться в иную систему, меняются так, словно те качества, которые проявлялись на родине, были не личностными, а наносными. А это значит, речь идет не об этнических стереотипах, а, скорее, о свойствах среды, социального целого, того пространства, где люди более тысячи лет были, по сути, принадлежностью государства, и это воздействовало на их деловые и трудовые навыки.

Итак, повторяем постановку задачи. Вопрос, который неизбежно встает сегодня перед любым управленцем, таков: есть ли у нас национальные особенности (в широком смысле), которые надо учитывать при выборе стратегии хозяйственных преобразований? Или мы такие же, как все, только хуже? Как немцы, только склонны к пьянству. Как американцы, только не способны к инициативе. Как японцы, только не умеем работать.

Это почему важно? Если мы такие же, как все, только испорчены социализмом, тогда правомерна идея неолибералов брать все на Западе. А народ пусть меняется, это его проблема. Если же особенности есть, причем важные, тогда в методике прямого копирования можно видеть одну из причин неудачи реформ.

Как же нам подступиться к этой задаче (имею в виду не философов и публицистов, а нас, нынешних и будущих управленцев)? Как понимать Россию умом и с умом использовать это понимание, обновляя в соответствии с ним управленческие технологии?

Тут-то и вспоминается знаменитый «закон Паркинсона». А следом за ним «принцип Питера», «закон Мэрфи» и вся выросшая на них традиция управленческого фольклора, которой Паркинсон дал свое имя подобно тому, как классическая физика называется ньютоновской, геометрия эвклидовой, а астрономия коперниканской.

Не знаю, как и когда вы читали знаменитый труд Паркинсона. Я — когда еще был студентом. Не книжку, конечно, а какую-то слепую копию на пишущей машинке. Тогда это было в порядке вещей, называлось «самиздат». Давали друг другу «на ночь». В течение той ночи я трижды перечитал текст и запомнил на всю жизнь. Он, можно сказать, изменил мой взгляд, дал угол зрения на ситуации, с которыми сталкивался почти ежедневно, но не знал, что они вообще поддаются осмыслению.

По какой-то неведомой причине эти юморные законы, открытые «где-то там», на Западе, оказались адекватны именно нашей ситуации. Больше того: то, что «у них» — лишь исключения на фоне общей рациональной обустроенности жизни, для нас — привычная повседневность. Так что если уж нам непременно надо заимствовать управленческие теории с Запада, то я бы советовал в первую очередь не Хайека с Фридманом, как бы они ни были хороши, а прежде всего Паркинсона. А их — уже потом.

Оглядитесь вокруг, почитайте газеты, посмотрите телек и скажите, на что больше похожи результаты применения теорий наших неолибералов — на их обещания или на этот вот научный постулат, приписываемый Мэрфи:

«То, что может испортиться, портится.

Что не может испортиться — портится тоже».

Да мы каждый день получаем ему подтверждение!

А разве либеральные игры, вернее, их последствия в наших условиях не описываются ироничной формулой:

«Предоставленные самим себе события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему».

Могу точно сказать, все московские достижения последнего времени были основаны на противодействии этой всепроникающей аксиоме.

Назвав подобные иронические наблюдения законами, Паркинсон сделал нечто очень важное. Ведь, вообще говоря, многие русские пословицы — постулаты того же порядка. «Тише едешь, дальше будешь» — разве не парадокс из книги «Закон Мэрфи»? Переформулируйте на научном жаргоне — и можете вставлять в сборник (Arthur Bloch. Murphi's law). А «работа не волк, в лес не убежит» — разве не пункт фольклорного трудового кодекса?

Но в том-то и дело, что народные пословицы имеют иную стилистику. Они рождены в крестьянской среде и работали там. А «законы Паркинсона» соответствуют миру науки и новейшей хозяйственной практике. Сформулированные с игровой серьезностью, они оказываются сродни самой технике современной управленческой деятельности.

Хотите пример? На прошлой неделе мы смотрели проекты. К сожалению, слабые. Я расстроился, но молчу, не встречаю, чтобы не сбить настроения проектировщиков. Потом говорю: «Знаете, есть такой закон: произведение мысли на бетон — величина постоянная?» Они вначале задумались, смолкли, а после заулыбались и как-

то сразу все поняли. Стали шуметь, предлагать варианты, причем даже с энтузиазмом.

Тут что важно? Для нас, практиков, подобного рода ирония — не просто интеллектуальное удовольствие. Для эстрады можно бы сочинить и посмешнее. Но нам эти законы нужны в конкретной хозяйственной ситуации, где бетон с легкостью заменяется на металл, а смысл остается: когда мысли много, решение элегантно, мысли мало — материальные затраты громадны.

Сегодня я приглашаю вас к работе над сводом «законов Паркинсона по-русски». В этой работе большое раздолье для остроумия. Но придется себя как-то сдерживать, ибо смысл не в смехе, а в пользе. Нам нужны такие формулировки, емкие и запоминающиеся, которые помогали бы лучше понять, на какой результат мы можем рассчитывать, применяя те или иные управленческие технологии. Сейчас поясню.

Вспомним, как появился «закон Мэрфи». Его автором был, как вы знаете, вовсе не юморист, а простой инженер и, судя по всему, большой зануда. Иначе его не впечатлило бы, что аппарат собрали неправильно. Подумаешь, какое дело! Таких случаев тысячи. Но только Эд Мэрфи стал ходить и ко всем приставать: «Знаете, если есть возможность сделать неправильно, то обязательно сделают неправильно». И до того надоел, что руководитель работ в конце концов признался журналистам: «Своими успехами мы обязаны преодолению "закона Мэрфи"». Вот ключевое слово: преодоление. В нем вся суть нашей управленческой технологии. Мы должны сформулировать такие законы, которые помогали бы предусматривать искажения результата еще на стадии постановки задач.

ЗАКОН НЕИЗБЕЖНЫХ ИСКАЖЕНИЙ, ИЛИ «ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА»

Вы, вероятно, помните анекдот: на одном российском заводе стали делать мясорубки, ложки-плошки и прочую бытовую продукцию. Но что бы ни делали, получался автомат Калашникова.

Тут самое смешное, что все это правда. В свое время я занимался проектированием приборов аналитического контроля для химической промышленности. А мой сотрудник Феста Николай Яковлевич все время ездил в Тулу. Там строился наш филиал. Однажды приезжает и говорит: «Знаете, что удивительно: все приборы, все датчики, которые там проектируются, похожи на затвор автомата. Просто диву даешься: конечная конфигурация любого прибора независимо от функции — полная копия затвора». Поехал, смотрю — точно! И сформулировал для себя этот «закон затвора». Поначалу он так назывался.

Это самый универсальный из русского свода «законов Паркинсона». Свою классическую формулировку он, конечно, нашел в словах нашего экс-премьера: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Соревноваться с этой формулой теперь уже бессмысленно. Она вошла в золотой фонд российского управленческого фольклора. Ее можно выбивать на фронтонах правительственных зданий. Она занимает сегодня первое место по частоте цитирования.

А это свидетельствует, что работа по формулированию «законов Паркинсона» уже началась. Правда, пока она еще стихийна: у прежних руководителей такие фразы просто срывались

с языка. Журналистам приходилось подхватывать и тиражировать их. Теперь с вашей помощью мы должны сделать так, чтобы подобные истины стали фактом поголовной грамотности, вошли в школьные учебники. Ибо, как известно, незнание закона не освобождает от ответственности.

Ярче всего закон неизбежных искажений проявляет свое действие, когда мы берем заемные образцы. Делаем один к одному, а получается нечто, от чего иностранцы просто балдеют. Говорят, никогда такого не видели. А мы и понять не можем: кажется, просто не отличишь.

Так было всегда в русской истории. И после петровских реформ, и после ленинской революции. Да и теперь: чем больше капитализма и рынка по рецептам Фридмана и МВФ, тем больше российского феодализма на деле. Строили рыночную экономику, а получили «блефономику». Делали свободную конкуренцию, а построили систему, где главная прибыль извлекается не за счет успеха на рынке, а за счет распределения «властной ренты», умения ладить с авторитетами, жить по понятиям и так далее. Та же история, тот же рисунок, тот же затвор.

Можно ли было это предвидеть? Конечно. Надо ли было из этого исходить? Безусловно. Ведь нынешняя система — не просто случайное отклонение от «правильной» рыночной модели. Она вписана в наш опыт, в нашу традицию, не учитывая которую, насаждая рыночные механизмы, могли лишь потомки щедриных глуповцев (те тоже, если помните, бросали зерно в непаханую землю, приговаривая: «Сама, шельма, прорастет!»).

Они будто не знали, что советская власть блефовала, делая вид, что у нас чисто плановая

система. Словно не слышали, что выполнить план можно было, лишь задействовав неформальные связи, натуральный обмен и прочие подпольные механизмы. Якобы в жизни не видели ни «черного рынка», ни общего воровства, ни других прелестей советской хозяйственной самодеятельности.

Планирование лишь прикрывало систему, как панцирь черепаху. Так что когда на его место встали новые рыночные устройства — всякие биржи, брокеры, акции и так далее, — то в самой двойственности это мало что изменило. Квазирыночные структуры стали выживать за счет все той же подпольщины, экономические отношения — за счет неформальных. На практике мы получили не открытые правовые связи, а разросшуюся коррупцию, патернализм, обкомовщину, родимые пятна застоя. Получили все то, что формируется не чисто экономическими условиями и адекватными им правовыми нормами, а исключительно необходимостью в этих условиях выживать. Где тут рынок, где остатки социализма, где что-то третье — никто пока сказать не может. Я такую систему называю «блефономикой», но о ней в другой раз.

Как с этим быть, что делать? Неужели отказываться от свободной экономики лишь потому, что не знаем, как к ней перейти? Нет, конечно. Но если мы поймем, как система функционирует, используя квазирыночные одежды как маскировку, то, вероятно, научимся с ней управляться. Ведь при всем гигантском количестве перекосов, формирующих нашу хозяйственную жизнь, в ней уже сегодня можно найти массу участков, которые живут по рыночным принципам. Худо-бедно, но работают. Через пень-колоду, но дышат. Их-то и следует изучать, поощрять и клонировать,

добиваясь, чтобы именно их принципы работы и этика взаимоотношений распространялись и стали господствующими.

Потому что наша задача отчасти напоминает школьную, с ответом в конце учебника. Мы действительно знаем, что дважды два четыре. Но к этому надо еще прийти.

ЗАКОН ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБМАНА, ИЛИ «НЕ НАРУШИШЬ - НЕ УСНЕШЬ»

У меня был водитель, честный малый, работал со мной давно. Однажды едем с работы вечером, он говорит: «Сегодня спать не буду». — «Это почему же?» — «Да так... У меня, вообще-то, бывает бессонница. Но знаете, я заметил: если за весь день не нарушу правил уличного движения, ни за что не усну!»

Поверьте, я не мог его заподозрить в ненормальности. Это был абсолютно здоровый русский парень. Тогда же, помню, подумал: а можно ли представить себе западного, допустим, немца, который сказал бы такую фразу? Да он пустую улицу не перейдет на красный свет! «Ты что же, — спрашиваю, — каждый день нарушаешь?» — «Ага. Не могу иначе. Но потом сплю». Так в моей коллекции появился этот закон.

Мы все его знаем в разных интерпретациях.

«Таци с завода каждый гвоздь,
ты здесь хозяин, а не гость!»

Если вы думаете, что это лишь современная поэзия, тогда загляните в Даля:

«Таци с казны, что с пожару».

«Казна на поживу дана».

А вот особенно задушевное:

«Мы у Матушки-России детки, она наша матка — ее и сосем».

Где тут корысть, где обычай? Можно ли вообще говорить, допустим, о мелких хищениях в юридических терминах? Человек чувствует себя плохо, если что-нибудь не увел с завода. Акционированного, приватизированного — неважно. Да и окружающие не поймут. Помню, как в старом еще Моссовете велись бесконечные споры с милицией: «Почему не боретесь с мелкими хищениями?» А они: «Юрий Михайлович, нельзя же всех пересажать!»

Недавно я встречался со специалистом по методике сбора налогов. «Главная трудность, — говорит, — не в том, что люди хотят уйти от

*... Если за весь день не нарушу
правил уличного движения,
ни за что не усну!*

налогов. Это есть во всем мире. А в том, что они получают от этого удовольствие». Понимаете, в чем тут дело? Честнейший рабочий, который учит своих детей не воровать и сам никогда не возьмет чужого, считает своим прямым делом обмануть государство, украсть с завода, не заплатить налоги. И главное, это не осуждается обществом. Потому что у нас двойной стандарт честности. По отношению к соседу одна философия, по отношению к государству, предприятию (вроде бы их же собственному) — другая. И государство знает об этом. Оно как бы закладывает законные нарушения в свои предписания. Кладет чиновнику маленькую зарплату в расчете, что тот сам о себе позаботится. Вводит налоги, которые немислимо выплатить. Создает систему противоречивых законов, которые невозможно не нарушать.

К закону наши сограждане вообще относятся примерно как к валенкам: оценивают с точки зрения удобства. Сама идея, что закон надо исполнять независимо ни от чего, в глубине души непонятна. Когда неудобно, несправедливо, мы говорим: давайте изменим закон, его ведь люди писали! А людям свойственно ошибаться. И мы надеемся — нет, мы уверены, — что нас поймут.

В старину на Руси говорили: «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили». Вот она, наша идея. А помните, в пьесе Островского? «Мужики, — спрашивает барин, — вас как судить, по закону или по совести?» — «Суди по совести!» — отвечают мужики. То есть по справедливости. Для них (да и для нас) это правильное и понятнее.

Что это за традиция, как с ней быть? Не свидетельствует ли она о каком-то общем молчаливом сговоре против всякой власти? Может быть,

власть и государство, каким бы способом их ни формировали, изначально воспринимаются как нечто враждебное в общественном сознании?

Я бы сказал так. Мы наблюдаем две взаимосвязанные тенденции, две склонности российского человека: потребность в вожде, царе, сильной верховной власти и потребность обязательно эту власть обмануть. Это вещи взаимодополняющие.

Идеальное состояние подобной системы — чтобы был царь, который плохо соображает, которого надо хвалить, опутывать, подсовывать разные кризисы и вообще всеми способами выводить из строя. Чтобы он за все отвечал и не мог сообразить, что делает. А под крышей у этого царя-вождя-кумира заниматься своими делами, не по закону, а по понятиям, то есть законам неписаным, которые воплощают единый принцип российского общежития: «Живи и жить давай другим».

Поскольку нас интересуют последствия всего этого для управления, не забудем дополнить список «российского Паркинсона» известным постулатом:

«Строгость российских законов компенсируется необязательностью их выполнения»

Давайте в нем разберемся.

Классический метод управления строится на том, что приказы исполняются более-менее точно. Он имеет массу достоинств, этот метод, но при одном условии: приказы должны быть разумными. Ибо при некомпетентном управлении такой механизм быстро разваливает систему. У нас работает иной: каждый отдельный приказ исполняется плохо, зато вся система в целом более устойчива. Потому что приспособилась к выживанию в условиях дурного управления. Помню, в шестидесятые еще

годы Хрущев обязал все колхозы сажать кукурузу. Если бы нечто подобное случилось на Западе, где чиновник работает по классической схеме, последствия были бы катастрофическими. А тут — ничего. Все брали под козырек, но никто и не думал относиться к приказу как к предписанию.

И сейчас, заметьте, система выживает по той же схеме. Когда наши радикал-реформаторы решили ввести в одночасье рынок, она отреагировала на них примерно как на ту кукурузу. Законы принимались мгновенно, в МВФ пошли отчеты, что у нас уже полный расцвет рыночной экономики — сплошная приватизация, биржи, банкротства, сорок бочек арестантов. А на деле и биржи не биржи, и приватизация меньше всего ассоциируется с идеей хозяина, и банкротства — скорее лишь способ передела собственности. О таких понятиях, как инфраструктура, а тем более этика рынка, уж и не говорю.

Благодаря постулату «не нарушишь — не уснешь» утопия в нашей стране легко преобразуется в реальность, меняясь при этом до полной неузнаваемости. И ни в каком МВФ никогда не поймут, что эта новая, преобразованная реальность не сводится лишь к криминалу и коррупции, как теперь пытаются представить дело, кидаясь в другую крайность. Она остается именно реальностью, то есть чем-то таким, что требует бережного с собой обращения, а главное, понимания.

Ибо власть, если она хочет что-то сделать в этой системе, должна прежде всего помнить, что имеет дело с особым «объектом управления», который много лет приучали не доверять никакой власти. А значит, главная задача — прежде всего завоевать это доверие, чтобы вести общество... да, именно к рынку, куда же еще?

ЗАКОН «НЕТ, НЕВОЗМОЖНО», ИЛИ ЛУЧШИЙ СПОСОБ ЗАГУБИТЬ ПРОБЛЕМУ

Этот закон я сформулировал, когда впервые съездил на Запад. Меня поразило, что там, когда задаешь человеку проблему, он сразу думает, как ее решить. Пускай по шаблону, по стандарту, без нашей российской смекалки и выдумки. Но главное, у них установка — решить любой, даже самый сложный вопрос.

У нас веками воспитывалась другая философия. Если поставлена задача, надо найти мотивы, чтобы не решить ее. И этому вовсе не мешает нынешний переход к рынку. «Невозможно» — самое сладкое слово в отечественном деловом лексиконе. Ты еще не договорил, а тебе уже отвечают: «Нет, не получится».

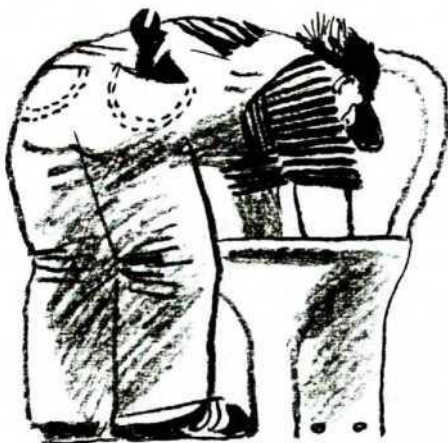
Почему, собственно? Ну, в верхних слоях понятно: там если решил проблему, то подвергаешь себя опасности. Кому-то может не понравиться. В языке это хорошо отражено: «не высовывайся», «что тебе, больше всех нужно», «поперед батьки в пекло» и прочее. Не решать, отказать под любым соусом еще и полезно: вокруг тебя кто-то должен обязательно повращаться, быть может, откатик дать или еще что приятное сделать. А ты показываешь, что большой начальник. Но, конечно, самый кайф — когда должность дает возможность мешать кому-то делать то, что ему позарез нужно, а подношение можно взять за то, что перестанешь мешать.

Однако все это — чиновники, начальство, с ними как бы ясно. А вот почему закон «Нет!» работает в реальном, как мы говорим, секторе? Хоть убей не пойму.

Просто диву даешься, наблюдая, сколько усилий готов тратить русский человек на дело, которым не думает заниматься. Он к вам придет, будет спрашивать, рассуждать, смотреть, примеривать. Но это вовсе не значит, что он готов решить вашу проблему. Он может потерять даже больше времени, чем потребовалось бы для выполнения дела. Однако, как говорится, принцип дороже.

Закон «Нет!» настолько широк и многообразен в практике, что только ему одному мы могли бы посвятить целую лекцию. Думаю (хотя до конца понять не могу, настолько это отсутствует в моем характере), дело тут вот в чем. Российский человек привык называть проблемами только неразрешимые проблемы. Вместо того чтобы выделить первоочередные и приняться за их разрешение, он, как правило, поступает наоборот. Укрупняет вопрос, доводя до неразрешимости. Вы можете наблюдать это даже на бытовом уровне. Пригласите сантехника поправить водопроводный кран. Он тут же скажет: «Нет, невозможно. Нет прокладочки, винтика, вентиля и вообще надо ванну снимать!» Думаете, дело тут только в корысти — набить цену, получить с клиента лишнюю бутылку? Если бы так! Это мы себя тешим такими объяснениями, чтобы сохранить хоть какой-то порядок в собственной голове. Глобализировать проблему и тем ее угробить — первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Навык, культура, ритуал.

Между прочим, многие руководители и политики пользуются этим вполне сознательно. И что интересно — встречают всеобщее понимание. Меня такому приему обучил когда-то все тот же Феста Николай Яковлевич, о котором уже упоминал. Тогда

*Нет, невозможно...
и вообще над ванной сидеть.*

мы были заняты внедрением компьютерного контроля в химическом производстве. Я споткнулся на аммиаке: процессы опасные, компьютеры слабые. И решил пока придержать это дело. Так и сказал на совещании: мол, рано, я против. Никто меня не понял, решили: вот молодой ретроград. А Феста отвел, помню, в сторону и прочел целую лекцию: «Вы правы, но поступили неправильно. Надо было говорить наоборот: да, товарищи, это прекрасно. Компьютеры открывают гигантские перспективы. Им скоро можно будет поручить не только контроль, но и оптимизацию, информацию, управление. Давайте же прямо сейчас примем решение заняться подготовкой этой гигантской программы... Вот если бы вы так укрупнили проблему, все были бы "за" и дело умерло бы само собой».

ЗАКОН «АВОСЬ», ИЛИ ПРИНЦИП ОПТИМАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ

Речь идет о российском способе принятия решений. Наука говорит: когда данных мало, а риск велик, есть два способа принятия решений. В первом случае (он называется «минимаксный») вы анализируете все возможные значения факторов неопределенности и принимаете решение исходя из их наиболее неблагоприятного сочетания.

Во втором (он зовется «минимизация риска») — учитываете вероятность тех или иных вариантов ситуации и действуете, так сказать, по математическому ожиданию.

Но в России существует третий способ, которого нам не приходилось встречать в серьезных научных работах. Его можно еще назвать «Закон рискованного оптимизма». Решение ищется при ожидании наилучшего варианта реализации неопределенных факторов по принципу «Авось пронесет!».

Трудно даже оценить, как рискует человек принимающий решения по такому алгоритму. До сих пор не подсчитано, сколько людей уже сложили и, не дай Бог, еще сложат головы из-за подобного способа действия. Хотя, справедливости ради, следует признать, что иногда именно такой подход служил причиной уникальных достижений и открытий, на которые так щедра российская история.

«Русский человек на авось и взрос», говорит народная пословица и нам понятно, о чем идет речь. А вот ни на один другой язык это слово не переводится. В Америке я как-то упомянул его в лекции. Так переводчица мучилась-мучилась (что-то вроде «мэби ес, мэби но»), а потом

сказала: «Нет, все равно не поймете, это не для американцев».

Мы не любим продумывать последствия.

«Русский на трех сваях крепок — авось, небось да как-нибудь».

Даже в ситуациях бесконечных катаклизмов, на которые так щедра наша история.

ЗАКОН «ВСЕ И НЕМЕДЛЕННО», ИЛИ ПРИНЦИП КОНЕЧНЫХ СОСТОЯНИЙ

Вы прекрасно знаете, о чем идет речь: по этому принципу мы проводили национализацию в семнадцатом и приватизацию в девяносто втором. Причем, заметьте, делали это разные люди, почти ни в чем не согласные друг с другом. А почерк один и тот же. Значит, дело не в чем-то индивидуальном. Значит, и наши неолибералы — плоть от плоти народа, что бы ни думали, ни читали на импортных языках.

В свое время почти вся Европа пела: «До основания, а затем...» Но для них это была всего лишь метафора, так сказать, приглашение к тенденции. Для нас — нечто буквальное и неизбежное, как судьба.

«Ломать — не строить» — вот наш девиз. Все силы уходят на разрушение. На созидание не остается ни сил, ни организации. Сломать — это пожалуйста! Просить никого не надо. Никто никогда не торгуется. Где бы ни возникала необходимость ломать, еще не помню, чтобы встречал затруднения. Организация труда идеальная. Энтузиазм полный. Охотников хоть отбавляй. Даже проектировщиков обычно приходится за руку держать: все неровное-

ти сроят, ландшафт выровняют... Я спрашиваю: да чем же вам вон та горочка-то помешала, овражек, смотрите, какой хороший, давайте его используем. Нет. Основная тенденция: чтобы ничего не осталось. Каждый раз все с нуля.

Дальше начинаются трудности и варианты. Если задумали нечто глобальное, то готовы к подвигам, какие никому не снились. На единовременное усилие мы способны, как никто. Повернуть реки вспять — это по-нашему. Понастроить огромные города на вечной мерзлоте — это пожалуйста. Поднять целину на миллионе гектаров — нет проблем. И знаете, что удивительно? Я ведь работал на целине, могу рассказать.

Казалось бы, гигантское дело, распахать степь, где всю жизнь рос один бурьян. Значит, надо распланировать, выверить, разбить на участки, скорректировать... Ничего подобного. Это нам скучно. Так мы не любим. Нас это не вдохновляет. Установка была совершенно другой: сразу, одним махом все распахать и засеять. Все одинаково!

«Сама пойдет» — вот наша вера.

«Схватится — никуда не денется» — вот магия.

То есть, хотя и надо было вставать в пять утра, чинить трактор, работать до ночи, — все это как-то не было напрямую связано с результатом. Результат не накапливался, а магически получался. И значит, вставать в пять утра и держать трактор в порядке имело к делу такое же отношение, как варка костей к эффективности заговора.

Вы скажете: ну, все это было при коммунистах. Для вас, разумеется, дела давно минувших дней. Хорошо, тогда перейдем к более близким временам. Вот возникла необходимость пере-

сти страну из социализма в постиндустриальное состояние.

Как рассуждали бы в других странах: предстоит гигантская перестройка, надо переналаживать всю структуру, создавать новые места работы десяткам миллионов, да еще на такой территории. Процесс этот должен растянуться минимум лет на двадцать. А что такое двадцать лет? Жизнь целого поколения. Значит, надо все продумать и делать так, чтобы люди в это время жили относительно нормально. Чтобы сам переходный период стал для них приемлемой формой существования. Трудно это сделать? Да. Но возможно. Хотя бы поставить такую задачу. Хотя бы решать.

Ничего подобного и в помине не было. Снова одним махом, одним прыжком перескочить от крайне централизованной советской экономики к крайнему же варианту либеральной рыночной. Не постепенно, а сразу.

Видите, строй изменился, а закон «все и медленно» действует. Он глубже лежит, чем социальная система. И как до него добраться, еще большой вопрос.

Между прочим, при подобной склонности скорость общественных процессов может быть существенно выше, чем в других странах. Согласно академику ПонTRYгину, оптимальное управление находится в промежутке между «полный вперед» и «полный назад». В иной цивилизационной среде можно просто сказать человеку: иди по средней линии, но для российского характера это неправильно. Сейчас, здесь и сразу — вот наш способ. Затем в обратную сторону. Так сказать, метод противоречивых повышенных требований. Но он может срабо-

тать, если им пользоваться с умом и, главное, с ювелирной точностью.

Из этого закона много следствий, на которых я не буду останавливаться. Упомяну только ПРИНЦИП МАННЫ НЕБЕСНОЙ, то есть какой-то установки на халявное счастье с завтрашнего дня. Он проходит через весь фольклор и всю историю. Помните, в сказках: то щука выскочит из проруби и вмиг отвалит столько, что в других странах до пенсии не накопишь. То печка сама вкусности напечет. А Иванушка или Емеля лежат и плюют в потолок: либо богачка какая заграничная влюбится, хоть в виде лягушки. Либо рыбка золотая приплывет и спросит: «Чего тебе надобно, старче?»

Богатство с трудом напрямую никак не связано, мирским законам не подчиняется. Думаете, это сказки? А то, как мы бюджет обсуждаем, хотим, чтобы налог не платить, а расход увеличивать — тоже сказки?

ЗАКОН «В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ», ИЛИ ПРИНЦИП ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ

В России любят всякие начинания. Как мэр я постоянно получаю приглашения на Первые съезды. И знаете, что заметил? Второй, а тем более третий съезд — большая редкость.

У нас обожают начала, но совершенно невозможно добиться, чтобы что-то было доведено до конца. Строители уже давно сформулировали свой «закон Паркинсона»:

«Ремонт невозможно закончить, его можно только прекратить».

В более общем виде этот закон звучит так:

«Добиться выполнения 95% работы как-то можно, последних пяти — почти исключено».

Словно какая-то дьявольская сила не позволяет отработать вещь, доделать как следует. Хоть на немного, но не довести. Хоть на пять процентов, но оставить. А ведь, как правило, именно эти последние пять дают качество!

Сейчас в связи с реанимацией московских автозаводов я внимательно изучил этот принцип «тяп-ляп». Действует безукоризненно. Не только в отношении конечного результата, нет — на каждом этапе, в любой детали что-то не дорабатывается, остаются мельчайшие недоделочки, невыверенности, несовершенства. Мы строим двигатель, по идее, не хуже немецкого, а вот нет какого-то стремления довести.

Спрашиваю: кто вам мешает? И вижу: заводчанин не врубается. Кивает, соглашается, но то, о чем идет речь, для него мелочь. Его взгляд говорит: «Шатун есть, поршень есть, кольца есть, блок-цилиндр есть — что тебе еще нужно?» И дело не в квалификации (он может блоху подковать), не в технологической неграмотности, а в чем-то другом. В образе цели, основанном все на тех же непереводимых «авось», «небось» да «как-нибудь».

У меня когда-то был автомобиль «запорожец». Мучился с ним ужасно, движок разбирал ежемесячно. А однажды зимой на досуге решил сделать такую вещь: раскидал двигатель и вывесил все одинаковые элементы — поршни, шатуны — смотрю, веса не сходятся. Подточил, шлифанул, поставил на место. Завел. И был поражен: двигатель шелестел, как швейная машинка «Зингер». Кто мешал это сделать на заводе? Теперь мы знаем: мешало всеобщее действие этого закона.

Я все время спрашиваю врачей: почему наши больные боятся делать операции здесь? Ведь есть уникальные хирурги. Фантастические. Где западный еще растеряется, так как привык полагаться на отлаженную технологию, наш найдет неожиданный выход, придумает, выкрутится, изобретет. Так почему же при первой возможности едут туда, где все это (без страховки) еще и безумно дорого? Спрашиваю, а сам знаю ответ. Да, хирург сделает гениальную операцию. А хорошенькая сестричка не отрегулирует капельницу, а то еще дядя Вася с утреннего бодуна забудет зарядить кислородный баллон. Вот и весь расклад. Казалось бы, несравнимые вещи: вырастить хирурга или наладить систему. А вот не можем. Не поддается. Пока держишь в руках, работает, а отпустишь — все возвращается на круги своя.

Россияне отдают предпочтение импульсной, напряженнейшей, находящейся на грани физических возможностей одноразовой уникальной работе по сравнению с повседневным, однообразным, пусть даже более доходным и менее напряженным трудом. Субботник для нас более приемлем, чем ежедневная уборка мусора.

Частным случаем всего этого можно считать ЗАКОН ВРЕМЯНКИ. Он очень похож на принцип Мескимена:

«Всегда не хватает времени сделать работу как следует, но на переделку время находится».

Формула эта взята из сборника «Закон Мэр-фи». Казалось бы, принцип универсален. На деле есть кардинальная разница: то, что там — психология, у нас культура.

Мы все лепим как бы на время, на живую нитку — законы, дороги, пятиэтажки. Все так, чтобы

потом переделывать и чинить. Каждый раз заново вместо того, чтобы один раз как следует.

«Акуля, Акуля, что шьешь не оттуля?» — «Не гляди, мамаша, еще пороть буду!»

Думаю, только в России могла распространиться и быть всем понятной такая поговорка.

Можно и дальше формулировать законы нашей ментальности. Это невероятно увлекательное занятие.

Хотелось бы, например, подробнее рассказать о ЗАКОНЕ КРАЙНОСТЕЙ. Он давно зафиксирован в народных поговорках: «пан или пропал», «все или ничего», «либо петля надвое, либо шея прочь», «либо баба вдребезги, либо мужик пополам». (Последнее, конечно, эвфемизм, но я не этнограф, чтобы цитировать народные выражения впрямую.)

Все это не просто какие-то древности из хрестоматии по русской словесности. Склонность к крайностям в суждениях и поступках — исконная наша черта, которую мне приходится контролировать даже у себя, не только у подчиненных. Про политиков уж и не говорю: решения, основанные на этом принципе, обладают повышенной убедительностью и получают всенародную поддержку. А это, как вы понимаете, большой соблазн.

Или, к примеру, закон, который я называю «И ВЕЧНЫЙ БОЙ...» Закон постоянной борьбы. Согласно ему, мы ищем решение проблем в борьбе, а не в работе. Вместо того чтобы каждому на своем месте (а мест на всех хватит) делать дело, обулаивать нашу измученную страну, занимаются постоянной борьбой, охотой на ведьм, поиском компроматов с подслушками и подкупами, разоблачают врагов, обвиняют друг друга.

«В борьбе обрешь ты имя свое», — песня не только политиков, но и, к сожалению, многих из наших хозяйственников. Страну уже который год трясет от всего этого.

У меня тут еще много законов. К сожалению, нет времени на них останавливаться. Ну, например: ЗАКОН ЗОНЫ — о том, что у нас всюду заборы и в каждом заборе дырка. Или ЗАКОН БАНЬКИ — о российских способах решать проблемы в неформальной обстановке. Или вот еще очень важный принцип, так сказать, стимулирования труда по-русски: «Вкалывал — отберут, бездельничал — пожалеют». Еще недавно казалось, что этот принцип уйдет вместе с социализмом. На

деле, как пел Высоцкий, «нет, ребята, все не так! все не так, ребята!» Строй изменился — настрой остался. Вот и решайте, что тут первично, что вторично: социальная система или российский Паркинсон.

Главный вывод уже ясен. Сегодня все жалуются, что мы живем не по законам. А это неверно. Мы живем по законам. Но Паркинсона.

ДУМАЙ

А теперь, друзья, еще немного внимания. Давайте остановимся и подумаем, какова цель всей нашей работы.

Это, кстати, вообще полезно, воспитать у себя такую привычку. В свое время фирма IBM подарила мне сувенир: маленькую такую табличку с надписью: «Думай!». Поначалу даже не обратил на нее внимания. Поставил на стол и забыл. Но со временем стал замечать, что эта бессловесная тварь как-то влияет на принятие решений. Она тут стоит, вроде бы незаметно, а что-то тебя теребит. Возвращаешь уже подписанные бумаги, начинаешь додумывать, искать варианты. Очень полезная оказалась вещь.

Итак, продолжим. Пока что все, о чем тут шла речь, немного похоже на некую сатиру. Они там вроде нормальные — мы тут дурные, лежим на печи, ждем дефолта. Конечно, это прекрасно, уметь смеяться над собой, но лишь до определенных пределов. В конце концов, дело идет о том самом народе, который когда-то, живя в тяжелейших природных условиях, сумел подняться от разрушенного татаро-монголами конгломерата княжеств до уров-

ня могучей державы, занявшей шестую часть суши, игравшей весьма значимую геополитическую роль. Речь идет о народе, который уже почти в наши дни (во всяком случае, при жизни моего поколения) в условиях жесточайшей войны сумел за несколько месяцев перебазировать промышленность за Урал, за два года довести годовое производство танков до 30 тысяч, а самолетов до 40 тысяч. Такой народ не может считаться заурядным.

И значит, проблема заключается не в том, что Россия — страна плохого народа, а в том, что она сегодня страна плохого управления. Вот в чем загвоздка.

Вообще говоря, управление возможно только тогда, когда знаешь, какие последствия вызовет твое управляющее воздействие. Когда, по пословице, что посеешь, то и пожнешь. Если же сеешь одно, а вырастает совсем другое, то для руководителя это попросту сумасшествие. Тут, как говорится, туши свет, сливай воду, отдавай концы.

Но разве не так мы живем сегодня? Инвестируем средства, чтобы оживить производство, а в результате плодим паразитов-посредников. Банкротим по всем правилам предприятие, а обогащаем аферистов и коррумпированных чиновников. Регулируем налог, а стимулируем «черный нал». И так во всем: наука бессильна, рецепты не помогают, экспертные рекомендации работают с точностью до наоборот.

Ведь не дураки говорили: дайте рыночную свободу, все будет как в развитых странах. Не в бреду же обещали: приватизируем, перестанут воровать. Не сумасшедшие же советовали: раздайте все частникам, рынок сам расставит все на свои места. Нет, это были образованные, начитанные люди,

знакомые с мировым опытом. Да и мир пришел на помощь. Лучшие зарубежные консультанты приезжали примерять на нас классические модели. Эксперты МВФ жестко контролировали все правительственные действия. И что же? Вместо финансовой стабилизации — невиданные доселе экономические и правовые чудеса. В смысле нарушения всех законов природы. Монетаризм без денег, структурная перестройка без инвестиций. Да еще кругом в долгах как в шелках.

Заметьте, я не беру сейчас тему преступности, уголовной приватизации, криминального вывоза денег, сознательного обмана со стороны «консультантов». Со всем этим надо разбираться. Возвращать, пресекать, пересматривать. Ладно. Это понятно. Ну, а дальше-то? Делать-то что, все снова наоборот? Как в той байке про садовода, у которого не росли овощи из-за сорняков. «На будущий год, — решил он, — посажу одни сорняки и пусть их душат овощи!» Примерно так предлагают и наши левые крайние... полузащитники... народа. На эту дорогу, конечно, сворачивать нельзя.

Итак, возвращаемся к табличке «Думай!».

Классическая наука управления строится на идеях, восходящих еще к Макиавелли, — как позитивное знание, кладезь секретов и рекомендаций. Если будешь поступать так-то и так-то, то добьешься успеха. Откройте любой из наших учебников по управлению, он полон советов. Там можно найти технологии, модели, графики, расчеты эффективности. Но все — по типовым ситуациям. Когда встречается отклонение, усилия направлены лишь на то, чтобы вернуться к норме. Классическая наука не предусматривает скривленных, неправильных состояний, где отказывает сам

механизм причинно-следственной заданности. Все рассчитано на типичность, стандарт, норматив.

Разумеется, такая наука полезна, и вы должны ее изучать. Но вот незадача: для того чтобы подобные рациональные принципы действовали, нужно раньше вырастить систему, где они могут действовать. Где все установлено и известно: нажмешь тормоз — останавливаешься, крутишь руль — поворачиваешь, видишь сигнал — знаешь, что он значит. А меня учил водить машину старший брат Аркашка. Он говорил: «Видишь, впереди тот пентюх включил левый поворотник. Как думаешь, куда повернет — налево? Дурак, будешь так думать, разобьешь машину на следующем перекрестке». Сегодня нам требуется именно такая установка.

Специалисты могут делать скидки на местные особенности, но для них это лишь один из факторов. Все равно, говорят они, азбука рынка непреложна: инвестиции, налоги, маркетинг. Что инвестиции пропадут по дороге, налоги не возьмешь с «черного нала», а маркетинг разобьется о мафию, в классические принципы не укладывается.

Однако ведь именно таковы сегодня свойства нашего российского экономического пространства. Здесь что-то случилось с самой идеей соблюдения правил. Не просматривается связь причин и следствий. Не ясно, что допустимо и чего нельзя, что может и чего не может случиться. Нет системы норм и сдержек, вместо нее — какое-то почти бессмысленное месиво, где невозможно применить рациональный позитивистский подход.

И вот тут-то мы снова возвращаемся к открытию Паркинсона и всей выросшей из него традиции иронического законотворчества.

Разумеется, задумывая свое знаменитое исследование, сэр Сирил Норкот Паркинсон меньше всего полагал, что совершает революцию в науке управления. Серьезные ученые до сих пор не могут согласиться с важностью его открытий. Они держат его как хохму, управленческий юмор и только в таком виде согласны почитать и славить. Он известен у нас, да и всюду как сатирик, автор памфлетов, предназначенных скорее забавлять публику, чем описывать нечто достойное серьезного внимания.

На деле же речь идет о принципе, перевернувшем классическую теорию управления и начавшем новый ее виток. Паркинсон научил нас видеть объект не в нормативном, а в ироническом аспекте. С ним под видом «веселой науки» в управление проникла важнейшая составляющая: он узаконил и ввел в число допустимых явления неправильные, которые мы раньше могли воспринимать только как нарушения. Он вывел науку за пределы классической системы, где есть одна истинная модель, а все остальные — неверные. Благодаря такому взгляду ситуации, объявленные ненормальными, становятся пригодными к проживанию. Пусть они нехороши, но мы уже знаем, что они закономерны, а значит, в них надо как-то устроиться, чтобы жизнь продолжалась относительно нормально изо дня в день.

«Законы Паркинсона» — нечто аналогичное квантовой революции в физике, Если опустить необходимые оговорки, можно сказать так. Эти законы перечеркивают саму идею причин и следствий. Они введены «по принципу дополнительности», если воспользоваться выражением Нильса Бора. За ними скрыт иной строй мироздания, нерациональное

устройство мира, в котором, как в Алисином Зазеркалье, правила меняются во время игры и никогда не известно, с какой стороны ждать подвоха.

В самом деле, спросим себя серьезно: на чем основан постулат Ричарда:

«Стоит вам выкинуть вещь, которая валялась много лет, как она тут же понадобится».

Спрашивать бесполезно, речь не о причинах. Но в жизни бывает именно так.

На каком научном законе держится наблюдение: «Беда не приходит одна»? Нет ответа. Но работает, к сожалению, безотказно.

Еще будучи директором, я всегда использовал закон Клипштейна:

«Стабильность поставок обратно пропорциональна напряженности графика».

И он никогда не подводил.

Или теорему Стокмайера:

«Если кажется, что сделать легко, значит, будет трудно».

И правда. Иначе ни разу не было.

Что это за законы? Это законы не причин, а тенденций. Не статистики, а ситуации. Не физики, а судьбы. Но законы. Но иного уровня. Но работают. Но неизвестно почему... Видите, я сам перешел в логику Жванецкого: «...но маленькие, но по три». И это естественно, ведь писатель нашел способ выразить ту же идею: сегодня в России мы живем в нелогичном мире и претендуем лишь на то, чтобы эта абсурдная жизнь была признана такой же ценной, как любая другая. Просто потому, что она у нас единственная.

Разумеется, наша цель — отстроить систему, где все бы работало само собой, почти без вмешательства власти. Не отказывали бы передаточные

механизмы, не подводили приводные ремни и результат соответствовал замыслу.

Наша цель — построить систему, где все навыки, свойства, традиции российского народа работали бы не в минус, а в плюс. Аналогичную задачу в свое время решали японцы, сейчас Китай очень эффективно демонстрирует свой вариант.

Не буду рассказывать, как мы представляем себе такую систему. Скажу только, что эта будущая система не может быть спроектирована умозрительно, по шаблону именно потому, что мы имеем дело с неопознанными пока «законами Паркинсона по-русски».

Да, программа нужна, без нее невозможно. Один из пороков прежних правительств, за который мы их критиковали, — что там не было ясной и четкой программы, которая позволяла бы определять приоритеты, двигаться по этапам, сверять результаты. Все это так. Но в наших условиях надо помнить: любая программа может быть реализована лишь на пути «пошаговой технологии». Сделал шаг, видишь результат, корректируй следующий. И одновременно имей в виду целое, уточняй проект в процессе конкретного действия.

Знаете, на что похоже управление в переходное время? На переход через пропасть по проволоке: надо все время двигаться. Как только остановишься, упадешь.

Когда система еще не устоялась, когда она вся в разломах и отклонениях, работа руководителя меньше всего похожа на исполнение «правильных» рекомендаций. Потому что все время наталкиваешься на ситуации, методически не прописанные: и то нельзя, и это невозможно. Ситуации патовые. Правил на них нет, чужие

технологии неприменимы, а решать надо срочно, как говорится, *ad hoc*. Так и подмывает сказать: давайте отложим, соберем материалы, рассчитаем эффект. А если эффект невычисляем? В этом случае традиционное управленческое мышление не работает, оно не может иметь дело с невычисляемыми эффектами. Да и ждать некогда, ситуация изменится, пока будешь ее изучать.

Остается одно: готовность к неапробированным, нестандартным решениям и... — можно сказать некую ересь? — способность попадать в резонанс с настроением системы. Это трудно объяснить. В русском языке слово «система» имеет привкус чего-то бездушного, неживого, бесчеловечного. На деле это не так. Хозяйственная система живая, она растет, вбирая в себя людские навыки и нормы, отлаживаясь на ходу, проявляя характер, волю, упорство. Задача руководителя — не рассматривать ее лишь как объект управления, а чувствовать как партнера. Только тогда твои действия, если они точно рассчитаны, вызывают ее ответ и, я бы сказал, благосклонность. Тогда все получается. То есть знаешь, по закону Мэрфи, что бутерброд летит маслом вниз. А в нужный момент волевым усилием поперек всего поворачиваешь тенденцию, изменяешь направленность, и люди, оказавшись в таком волевом поле, начинают действовать. И спасают ситуацию вопреки всему.

Итак, не копировать чужое как должное, не рисовать красивых картинок, не давать мертвых рекомендаций, а на лету, в каждом случае непредвзято видеть проблему, формировать образ цели, путь и скорость движения к ней. И одновременно использовать этот опыт для отработки нового хозяйственного стиля. Вот что мы имеем в виду,

провозглашая принцип приоритета управления над идеологией.

Кто-то сказал: наш мир хорош или плох настолько, насколько хороши или плохи наши решения. Я в это верю. У нас мало времени. Мало денег. Но есть огромное преимущество перед странами с консервативными рыночными традициями — отсутствие стереотипов. И мы выиграем, если сумеем им воспользоваться. Сегодня, наверное, вам странно это слышать. Прогностическое мышление инертно: когда идет дождь, кажется, не пройдет никогда. Но поверьте, будущее открыто. А в современном мире, который живет в преддверии новой эпохи, тем более. Не хочу говорить банальности, но думаю, вам еще предстоит убедиться: то, что сегодня выглядит недостатками, завтра может оказаться началом новых тенденций, соответствующих требованиям времени. Страна, пережившая за одно столетие две радикальные революции, вступает в новый век обновленной. Как бы ни было сейчас тяжело, поверьте, это огромное преимущество.

Вот, в общем, и все, что я хотел вам сказать. Моя идея проста и абсолютно оптимистична.

В старину говорили: «Когда Бог посылает испытания, он посылает и силы их выдержать». Думаю, в какой-то иной, более научной формулировке из этого можно сделать самый значимый из наших «законов Паркинсона».

Десять лет либерал-консерваторы пытались пристроиться в затылок успешных стран уходящего века. Не выходит. Значит, придется работать на уровне следующего.

Десять лет стране навязывался ложный вы-

бор между двумя консервативными стратегиями: праволиберальной и леворетроградной. Но мы, центристы, потому и отвергаем обе, что и тот и другой варианты исторически выработаны. На них не построишь прорывную стратегию.

Это вопрос не идеологии, а выживания, не политических игр, а национального спасения. Сейчас территория России (восьмая часть суши) в пять раз превышает ее долю в мировом населении и минимум в десять — в мировом производстве. Если такая диспропорция не будет выправлена за счет роста национального продукта и населения, то рано или поздно наступит корректировка за счет территории. Мы уже знаем, как это делается. Недавние мировые события лишили нас всяких иллюзий.

Итак, не будем впадать в грех уныния. Не нам, потомкам и наследникам народа, не раз доказавшего способность к общенациональному усилию, терять веру в будущее.

История России хранит немало управленческих тайн, когда в безнадежной, казалось бы, ситуации несколько точных решений разрушают барьер между народом и властью. В этом феноменальном единстве растворяются последние признаки взаимной отчужденности. Все «законы Паркинсона», о которых мы говорили, начинают работать как бы наоборот. Власть становится умной и деятельной, а народ бескорыстным и жертвенным. И вытягивают страну вопреки всем мрачным прогнозам и предзнаменованиям.

Так что вопрос не в том, сумеем ли мы выдержать испытания. Вопрос в том, обречены ли мы на них. Что мешает построить систему, основанную на доверии людей к власти, — такую систему, где лучшие качества народа проявлялись бы не в экс-

тремальных, а в каждодневных и долговременных обстоятельствах?

Мой ответ — ничто не мешает.

И мы это обязательно сделаем. Причем с вашей помощью. Потому что иного выхода у нас просто нет.

ИЗ БЛОКНОТА МЭРА

*Некоторые законы в вольных переводах
и переложениях Юрия Лужкова*

ШКАЛА СПЕНСЕРА

Хороший руководитель находит правильное решение при недостатке информации.

Выдающийся — при ее отсутствии.

ТИПОЛОГИЯ ПУТТА

Все начальники делятся на две категории: одни понимают то, чем не могут управлять, другие управляют тем, чего не в состоянии понять.

ЗАКОН ЧИЗХОЛМА

Любые указания люди понимают иначе, чем тот, кто их дает.

СЛЕДСТВИЕ

Даже если ваше объяснение настолько ясно, что исключает всякое неверное толкование, все равно поймут неправильно.

ДОПОЛНЕНИЕ ЛУЖКОВА:

Мат — единственный язык, указания на котором понимаются без искажений.

ПРИНЦИП КЕТТЕРИНГА

Логика нужна для того, чтобы оправдать
ошибочное решение.

СЛЕДСТВИЕ ПРАВИЛА ФОЛКЛАНДА

Решение известной проблемы порождает неизвестные.

СОВЕТ БЕРКЕ

Не ставь задачу, если не знаешь решения.

ИЗ КИТАЙСКОЙ КНИГИ ПЕРЕМЕН

Если менять не нужно, менять не следует.

УТОЧНЕНИЕ

Чем незначительней на вид изменение,
тем больше непредвиденных последствий оно повлечет.

ПОСТУЛАТ ПЕРСИГА - ЛУЖКОВА

Число разумных объяснений бесконечно.

Число разумных действий ограничено.

Как правило, одним единственным.

НАБЛЮДЕНИЕ ХОУ

Каждый готов предложить план действий,
который не сработает.

ЛЕММА СМЭЙФУ

Лишь когда переберешь все возможные варианты решения
и не найдешь стоящего,
вдруг явится простое и очевидное для всех.

ЗАКОН ЗИМЕРГИ

Люди всегда готовы выполнять работу,
когда необходимость в ней уже отпала.

ЗАКОН ДИЛБЕРТА

Каждый может сделать любое количество работы
при условии, что это не та работа,
которую он должен делать.

ЗАКОН КОРНЭЛЛА

Руководители склонны поручать работу тем,
кто меньше всего к ней способен.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАКОН ПАРКИНСОНА

Численность рабочей команды растет
независимо от объема работы.

ЗАКОН ХЕНДРИКСОНА

Когда проблема требует множества совещаний,
они становятся важнее самой проблемы.

ТЕОРЕМА ВУЛДА И КАННА

Результативность совещания обратно пропорциональна
затраченному времени и количеству участников.

СОВЕТ ХЛЭЙДА

Сложную задачу поручай ленивому — он найдет самый
легкий и короткий путь.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПАРАДОКС ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ

Первые 90% работы отнимают 10% времени.

Последние 10% работы — все остальное время.

ЗАКОН ХЕОПСА — РЕСИНА

Ничего никогда не строилось в срок и в рамках сметы.

РАСШИРЕНИЕ ГОЛУБА

Неточно спланированное дело требует в три раза больше
времени. Тщательно спланированное — только в два.

ЗАКОН МЕСКИМЕНА

Никогда не хватает времени выполнить работу
как следует. Но чтобы переделать, время находится.

ЗАКОН ПРИКЛАДНОЙ ХАОСОМЕТРИИ

Чем тщательнее отлажена система, тем больше бардак,
если что-то пошло не так.

ЗАКОН ЭВЕРЕТТА

Когда в стране, извините, бардак,
только очень упорным трудом можно противостоять ему.
Но само такое противостояние увеличивает общий бардак.

ЗАКОН ВЕРОЯТНОСТИ ПО-РОССИЙСКИ

В России происходит только невозможное.

ПОСТУЛАТ КУПЕРА

Новые законы создают новые лазейки.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ПОСТУЛАТА КУПЕРА

Новые законы создаются, чтобы создать новые лазейки.

ЗАКОНОПОСЛУШАНИЕ ПО-РОССИЙСКИ

Если нельзя, но очень хочется, значит можно.

КОЛБАСНАЯ МУДРОСТЬ

Кто любит колбасу и уважает закон, не должен видеть,
как делается то и другое.

ТЕОРЕМА МАЛЕКА

Любая простая идея может быть сформулирована самым
сложным образом.

УРАВНЕНИЕ МАЙЕРА

Усложнять просто. Упрощать сложно.

МЕТАПОСТУЛАТ ХОРНГРЕНА

Для экономистов реальный мир —
частный случай экономики.

ПРАВИЛО МАРСА В ПЕРЕЛОЖЕНИИ ЛУЖКОВА

Эксперт — любой человек с Запада.

ЗАКОН ФИНЭЙГЛА

Если уж пошла непруха, то

любая попытка спасти ситуацию только гробит ее.

КОММЕНТАРИЙ ФРИМАНА К ТЕОРЕМЕ ГИНЗБЕРГА

Перед тем как ухудшиться,
ситуация временно улучшается.

ЗАКОН ДРЕЙЗЕНА

Время, необходимое для исправления ситуации,
обратно пропорционально скорости ухудшения.

ИНДИКАТОР СТОКМАЙЕРА

Если кажется, что работу сделать легко,
значит, будет трудно.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

ЭЙНШТЕЙНА - БАЛЛАНСА

Продолжительность минуты зависит от того,
по какую сторону двери в туалет вы находитесь.

УТОЧНЕНИЕ ДЖЕННИНГА К ЗАКОНУ БУТЕРБРОДА

Вероятность, что бутерброд упадет маслом вниз,
прямо пропорциональна стоимости ковра.

ЗАКОН ЭНТОНИ

Любой инструмент, если его уронят во время работы,
закатывается в самый недоступный угол.

ПАРАДОКС СЕГАЛА

Имеешь одни часы — знаешь, который час.
Имеешь несколько — уже не уверен.

ТЕОРЕМА МИЛЛЕРА

Нельзя сказать о глубине лужи,
пока в нее не ступишь.

ПРАВИЛО РУНА

Если тебе все равно, где находишься,
значит, не заблудился.

ЗАКОН ОЛИВЕРА

Опыт приходит сразу после того,
как в нем отпадает всякая надобность.

ЗАКОН ПОДЛОСТИ

Сломанная машина будет работать,
когда придет мастер по ремонту.

ЗАКОН КЛИПШТЕЙНА

После сборки всегда остаются лишние детали.

ЗАКОН БУБА

Что ищешь, найдешь, только обыскав все.

ЛЕММА МЭРИАННА

Находишь всегда то, чего не искал.

ПРАВИЛО РИЧАРДА

Стоит выбросить вещь, которая долго валялась
без надобности, как она тут же понадобится.

СОВЕТ КАНА

Если уж совсем ничего не помогает,
прочтите наконец инструкцию.

ВТОРОЙ ЗАКОН КЛАРКА

Единственный способ определить границы
возможного — выйти в невозможное.

Содержание

От автора	5
-----------------	---

МУЖСКАЯ СЛЕЗА

Пуля	12
Дед	24
О любви	33

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Двор моего детства	48
Тайна Гостиного Двора	69
Мистика	82

ТРУДЫ НАШИ ТЯЖКИЕ

Агроимпотенция	100
Законник	116
Российские законы Паркинсона	132

Лужков Юрий Михайлович

РУССКИЕ ХАРАКТЕРЫ
РАССКАЗЫ

Руководитель издательского проекта М.Л. Щербаченко

Редактор Л.И. Невлер

Дизайн В.И. Кучмин

Иллюстрации С.В. Любаев

Компьютерная верстка А.В. Талалаевский

Корректоры: В.М. Порошкина, Г.Б. Шабалина

Издательские и полиграфические
работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Генеральный директор С.М. Линович

Подписано в печать 12.05.2008. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печ. л. 11,0. Тираж 6000 экз. Заказ 10208.

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15.

